

A movie poster for the Russian film 'Religion: The Last Argument' (Реалигер: Последний довод). The central figure is actor Denis Burmistrov, depicted as a gritty, urban warrior. He has a bandage over his right eye and is dressed in a dark, heavy trench coat. He holds a combat knife in each hand, standing in a dark, industrial setting that appears to be a tunnel or a derelict building. In the background, a damaged car is visible on the left, and a large, glowing red emblem with the letters 'КАД' and 'ВВ' is mounted on the wall. The overall atmosphere is dark and gritty, with dramatic lighting that highlights the character's face and the texture of his coat. The title is written in large, bold, distressed letters at the bottom, with the actor's name at the top.

ДЕНИС БУРМИСТРОВ

РЕЛИГЕР

ПОСЛЕДНИЙ ДОВОД

Денис Бурмистров

Религер. Последний довод

«Денис Бурмистров»

2012

Бурмистров Д. Е.

Религер. Последний довод / Д. Е. Бурмистров — «Денис Бурмистров», 2012

Альтернативная Россия, наши дни. Миром правят религиозные корпорации, продающие своих богов как товар, дерущиеся за умы и души верующих как за рынок сбыта. Для борьбы с конкурентами они используют религеров – специально обученных бойцов, выполняющих функции шпионов и убийц. Религеры целеустремленны, действуют без оглядки на мораль и добиваются успеха любыми способами. Но что будет, если кто-то откроет охоту на самих религеров? Что будет, если неизвестные игроки предъявят свои козыри? Что будет, когда сама «божественная власть» корпораций окажется под угрозой уничтожения?

© Бурмистров Д. Е., 2012

© Денис Бурмистров, 2012

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	33
Глава 7	38
Глава 8	44
Глава 9	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Денис Бурмистров

Религер. Последний довод

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Пролог

– Верю!

Человек хрипит, извиваясь в холодной осенней луже. Каблуки дорогих ботинок загребают грязь, оставляя неглубокие борозды. Бледное лицо с рваными дырами вместо глаз, перекошенный рот, сжатые до скрипа зубы.

Намокшее пальто придает человеку схожесть с раздавленной мухой: полы мятыми крыльями прилипли к асфальту узкого переулка.

Вокруг происходит действие. Вокруг прыгают тени и сверкает сталь. Воздух гудит от молитв и криков смерти, яркие вспышки обжигающего света проецируют на стены длинные, кривые силуэты.

– Верю!

Распростертый человек находится в эпицентре происходящего. Он не слышит ничего, кроме собственного клокочущего хрипа.

Разорванная шелковая повязка, некогда прикрывающая глаз мужчины, ленивой змеей оплетает рукоять красивого стилета, хищное лезвие тускло отражает в себе окружающий мир.

Человек слепо тянется к своему оружию, безошибочно определяя его местоположения. Тонкие, обескровленные пальцы стучат по зернистой поверхности асфальта в паре миллиметров от рифленой рукояти. Но не хватает как раз этих миллиметров, никак не достать.

Вспышка света озаряет лежащего, перевернутый бак помойки, серую молнию спасающей бегством крысы. Раскатисто загрохотало, ударило звуком по окнам близлежащих домов, запахло грозой. Раздался чей-то пронзительный крик. Плеснула на стену дымящаяся кровь.

Пальцы лишенного глаз мужчины в последний раз дергаются, тщетно силясь достать такой близкий клинок. Обессилено замирают, так и не добившись своего.

Мужчина, распростертый в холодной осенней луже, умирает. Сегодня в этом он не одинок.

Рядом с ним расстается с жизнью еще один человек. Он, кашляя кровью, последним рывком дотягивается до безглазого, до своего бывшего врага, роняет на скрюченные пальцы свою, еще теплую, руку. Шепчет:

– Верь...

Обоих накрывает хлынувший с новой силой ноябрьский ливень.

Глава 1

«– Необходимо ли государству наличие института церкви? Я имею в виду некую общенациональную культуру единого вероисповедания.

– Я понял ваш вопрос. Ответу следующее – ограничение граждан в возможностях выбора вероисповедания ведет к ущемлению свобод человека. Единый же институт церкви ограничит этот выбор рамками государственной диктатуры...»

Из интервью представителя комитета по правам человека телеканалу «Рубин», 1996 год

Некоторым временем ранее

Сигарета раскуривалась плохо. Слабый огонек лизал желтоватую промокшую бумагу с торчащими из нее палочками табака, отчаянно пытаюсь разжечь кончик мятого цилиндрика. Наконец, нехотя, по бумаге побежали огненные трещинки, задымились.

Мужчина затаился, убрал зажигалку в карман промокшего пальто. Багровый отсвет сигареты осветил запущенную щетину, немного на сторону нос и черную шелковую повязку через левый глаз. Второй, здоровый глаз, угрюмо шурился, внимательно рассматривая происходящее через дорогу.

Внимание одноглазого обращено на нервную суету у входа в ресторан с красной неоновой вывеской «Росинер». Несмотря на поздний час, в заведении сегодня много посетителей, их видно сквозь большие, подсвеченные синим, окна. Свет из этих окон падал на мокрые капоты припаркованных у обочины машин, отражался в лужицах на мраморной дорожке вдоль фасада.

Возле самой двери, у стеклянного турникета, замер блюститель порядка в промокшей форме. Еще двух полицейских видно в зале ресторана, они скорым шагом направились за распорядителем вглубь заведения. Там, за плотной гардиной цвета индиго, находились туалетные комнаты.

Спустя непродолжительное время к ресторану подъехала машина «Скорой помощи», монотонно мигая маячками. Деловитые люди в белых халатах, со свойственным им рабочим равнодушием, вытащили из кареты носилки и проследовали внутрь «Росинера». Под взволнованные взгляды гостей заведения, санитары пересекли зал и скрылись за гардиной.

Огонек сигареты мигнул у самого фильтра. Одноглазый уронил окурочок в чугунный тюльпан урны и переступил с ноги на ногу. Скрипнула кожа черных перчаток – мужчина поправил тонкое кашне в развороте воротника пальто.

Ночное небо бомбило город дождем. Тяжелые капли залетали под железный грибок автобусной остановки, стоящий на противоположной от ресторана стороне дороги. Изогнутый навес не спасал от всепроникающей осенней сырости.

От воды ткань пальто промокла, неприятно холодила плечи. Становилось неудобно. Но уходить еще рано, мужчина должен убедиться, что все сделано до конца.

Шли минуты. С шелестом проносились мимо ресторана машины. Грузно прокатился скобоченный автобус с темным салоном и надписью «В парк» вместо номера. Редкие прохожие спешили домой, перепрыгивая лужи. Ветер донес пьяный женский смех со стороны близлежащей аллеи.

Наконец, гардина цвета индиго качнулась, волной отошла в сторону, пропуская двух санитаров с носилками. Следом за ними вышли распорядитель ресторана с красным лицом и полицейский. Их лица озабоченные и напряженные.

Вся процессия миновала турникет и понурого постового на входе. Через мгновение носилки с шумом въехали в утробу машины, двери «Скорой помощи» гулко захлопнулись. Автомобиль, не торопясь, вырулил на проезжую часть, пропустив наглое такси, и молчали-

вым призраком покати́л в сторону больницы. Ни проблесковых маячков, ни сирены медики не включали – мертвецу быстрая доставка ни к чему.

Одноглазый чуть заметно кивнул, удовлетворенный увиденным, стряхнул ладонью воду с плеч, поднял воротник и прогулочным шагом направился в противоположную убывшей «Скорой помощи» сторону. Его рослая фигура еще раз мелькнула в конце улицы, попав в круг света от фонаря, но потом и вовсе растаяла в лабиринте ночного города.

Одноглазого мужчину зовут Егор Волков. Он – религер.

Нарастающая трель телефонного звонка, вырвала его из омута сна, требовательно и бескомпромиссно. Егор мученически застонал, простер руку в сторону тумбочки и зашарил пятерной в поисках мобильного. На пол полетели пустая пузатая бутылка из-под коньяка, зажигалка. С четвертого шлепка одноглазый накрыл-таки вибрирующий телефон, потащил к себе, практически уронил на подушку возле уха. Разомкнул слипшиеся губы и хриплым голосом выдохнул:

– Алло.

– Разбудил? – без тени сожаления поинтересовался бесцветный мужской голос.

Егор лишь замычал, ожесточенно массируя ладонями лицо.

– У меня плохие новости, – раздалось из динамика.

Волков насильно заставил себя сесть, ощущая в голове перекатывающийся свинцовый шар, тяжело бьющийся о стенки черепа. Облизал пересохшие губы шершавым языком. Прижал прохладный пластик телефона к щеке:

– Что случилось?

– Кирилла Сухнова полчаса назад нашли повешенным у себя дома.

– А-а, черт, – глухо выругался Егор. – Хреново. Кому еще звонил?

– Владу, Артему и Сергею. Подъедешь?

Егор, сощурившись, кинул взгляд на настенные часы.

– Дай мне минут сорок, в себя придти. К половине третьего буду.

– Быстрее никак?

– Не думаю. Но я приложу все усилия.

Экран телефона погас, Волков отложил его в сторону. Глубоко вздохнул, разминая шею ладонью. Привычно потянулся к пачке сигарет. Бросил проясняющийся взгляд в сторону холодильника. Там должно еще остаться пиво.

День обещал быть длинным.

Волков тяжело вылез из такси, поправил повязку на левом глазу. Сунул водителю мятую купюру, от сдачи отмахнулся. Нетерпеливо дернул головой, мол, уезжай уже. Закурил, наблюдая за удаляющейся легковушкой.

Когда машина скрылась за поворотом, зябко поежился, поднял воротник и быстрым шагом пошагал по дороге назад, старательно обходя лужи. Свернул к дому с высоким, бугрящимся серыми валунами, забору, поднялся по крыльцу к утопленной в камне входной двери с литой паутиной подпорок козырька. Над стеной виднелись окна второго этажа двухэтажный кирпичный дом бордового цвета. Узкие окна, поката́я крыша. Не бросающийся в глаза, такой же, как и стоящие по соседству коттеджи.

Только мало кто из жителей района знает, что здесь располагается загородная резиденция религеров, оперативный штаб религиозной конфессии мистириан.

Волков еще раз огляделся, вдавил пальцем кнопку домофона. Поднял помятое после вчерашнего лицо к камере, угрюмо пыхнул дымом в сторону стеклянного глазка.

Раздалось гудение, щелкнул магнитный замок.

Мужчина толкнул дверь, переступил высокий порог и пошагал по посыпанной гравием дорожке по двору, мимо аккуратного ухоженного газона, мимо плетеной скамейки подле небольшого неработающего фонтана. Свернул за угол дома.

– Привет.

– И тебе не хворать, – Волков пожал протянутую руку.

На крыльце курил, привалившись поясницей к перилам, Влад Гаврилов, сорокалетний крепыш с пудовыми кулаками. На голову выше Егора, почти вдвое массивнее и шире в плечах, он взирал на мир открытым, немного наивным взглядом голубых глаз. Возраст несколько оплавил молодецкую фигуру Влада, но на пляже на него все еще поглядывали уважительно.

Против обыкновения Влад был одет не в спортивное, а в выдавший виды твидовый костюм с широким галстуком-«селедкой». Бросалось в глаза, что Гаврилов не особенно умеет носить строгое.

– Чего вырядился? – спросил Егор, щелчком отправляя окурочек в чугунный тюльпан урны.

– Да, встречался там, по делам, – туманно пробасил Влад. – Ты что-то не очень выглядишь. Опять пил?

– Нет, – без тени стыда соврал Волков. – Это все от занятий йогой. И от плохой экологии.

Он бесцеремонно вытащил сигарету изо рта здоровяка и отправил ее в урну. Прежде, чем Гаврилов успел что-то сказать, сказал:

– Идем, дела ждут.

Проходя через короткую прихожую, Волков поравнялся с искусно вышитым гобеленом. Снизу вверх черное переходит в золотое. В черном поле – тянущаяся к прекрасному небу человеческая фигурка, маленькая и беззащитная. Из груди и от ладоней ввысь тянутся алые нити, которые уходят в золотое, сливаются с лучами белоснежного солнца. В центре светила четкими черными нитями вышит знак Бога – вытянутый по вертикали ромб с кругом внутри.

Егор, не задерживаясь, привычным жестом коснулся пальцами спрятанного под рубашкой серебряного символа веры, потом губ и лба. Машинально прошептал заученные слова приветственной молитвы, входя во внутренние покои.

Практически весь первый этаж занимал зал для конференций. Два больших дивана друг напротив друга, рядом – три кресла с покатыми подлокотниками. Газетный столик, мохнатый ковер на полу, книжная полка. По-деловому, но уютно. Никаких резких цветов, лишь пастельные тона. Довершал картину аккуратный камин, в котором сейчас лениво потрескивали берзовые полешки.

На диване, напротив входа, закинув ногу на ногу, сидел Сергей Ким. Жесткие, рубленые черты азиатского лица, тонкая линия губ. Длинный хвостик темных волос, перетянутый серебряным кольцом, сливался с безупречного вида черным костюмом. Уголок дорогого галстука, искорки запонок на рукавах белоснежных манжет, молния света на лакированных ботинках. Сергей любил и умел одеваться эффектно. Невысокого роста, он выделялся антиподом тому же Владу, но по эффективности работы превосходил последнего в разы.

Ким встал, кивком приветствуя вошедших. Чуть поморщился, уловив остатки похмельного запаха от Волкова. Но ничего не спросил.

Влад сел в кресло рядом с окном. Егор прошел чуть дальше, к креслу возле камина. Повесил пальто на вешалку у стены, остался в джинсах и свитере грубой вязки. Мягко опустился в распростертые объятия дорогой кожи.

– А где Артем? – спросил у Кима Влад.

– Наверху, с Николаем. Они с Петербургом связываются.

– Есть необходимость?

– Видимо, есть.

Замолчали, лишь изредка хлюпал носом простывший Гаврилов. Егор повернул голову к камину, уставился на огонь. Тот плясал на полешках, словно усталый рыжий степист, сухо потрескивая своими суставами.

Хлопнула дверь на втором этаже, еле слышно закрипели ступени лестницы. До сидящих в зале долетели приближающиеся мужские голоса.

Первым на верхнюю ступень лестницы ступил невысокий мужчина средних лет с полуоткрытой пластиковой папкой в руках. Он был во всех отношениях серым, безликим, являл собой предположительную оценку в абсолюте. Неопределенный возраст, обычное, чуть полноватое лицо, светло-рыжие волосы с проплешиной плохо скрываемой лысины, бледно-серые глаза, тихий, бесцветный голос, мешковатая одежда. Такие приметы соответствуют тысячам людей, которые ежедневно проходят мимо. Но таких, как они, невозможно запомнить, а тем более описать. Слишком уж они обычные. Стандартные. Неокрашенные.

Серого человека зовут Николай Иванов, он заместитель координатора звена. Именно он разбудил телефонным звонком Волкова.

Вслед за Ивановым показался его собеседник, Артем Колеров. Высокий, стройный, с русыми, густыми волосами ниже плеч. Эрудит с осанкой аристократа и холодным взглядом зеленых глаз. Изящный, надменный, опасный. Всегда подтянутый и в тонусе. Одетый в неброского стального цвета рубашку и строгие брюки с модными остроносыми полуботинками. Любитель дорогих часов и коллекционных вин.

Религеры в зале поднялись со своих мест, приветствуя Иванова. Колеров чуть отстал, чтобы подчеркнуть статус Николая.

Заместитель координатора быстрым взглядом окинул присутствующих, глядя на всех сразу и ни на кого конкретно. Профессиональная привычка.

– В безверии слепы, – лишенным эмоций голосом поприветствовал Николай присутствующих.

– Зрячи мы, – нестройным хором ответили религеры.

Иванов коротко кивнул, жестом предложил товарищам сесть на свои места. Сам опустился в соседнее с Волковым кресло у камина, положил папку на колени. Подождал, пока Колеров займет место на дальнем диване.

Теперь все в сборе, в молчании уставились на серого человека.

Иванов со свойственной ему неторопливостью и обманчивой вялостью копался в открытой папке, перекладывая какие-то листы. Егоров отметил, как напряжены лицевые мышцы заместителя координатора.

Наконец, Николай нашел то, что искал, быстро прочитал несколько предложений и захлопнул папку, положив сверху скрещенные пальцы. Его голос словно звук старого патефона разнесся по залу:

– Рад видеть вас, друзья и соратники. Так получилось, что очередную летучку приходится проводить сегодня. Не смогли подъехать Моторнов и Соловьева, а также Нечаев, который как раз занят в связи со случившимся, – Иванов вновь обежал взглядом сидящих мужчин, опустил глаза к папке. – Напомню, что Кирилл Сухнов, координатор нашего звена, был найден сегодня мертвым у себя в квартире. Влад, когда поступила информация?

Гаврилов тихо кашлянул, прочищая горло.

– Тимур Нечаев позвонил мне сегодня около десяти утра, – Влад нахмурился, рассказывая. – Сказал, что находится дома у Кирилла. Тимур должен был забрать у Сухнова какие-то вещи, пришел без предварительного звонка. Входная дверь оказалась открытой. В дальней комнате, в рабочем кабинете, он и нашел Кирилла висящим на крюке от люстры.

В воздухе повисла пауза, но никто не выглядел испуганным или сильно удивленным. Смерть – частый спутник их работы.

– Тимур сказал, – продолжил Влад, – Что следов насилия он не нашел, что квартира вроде бы в порядке. На столе, в коридоре под зеркалом, обнаружилась записка. Тимур узнал почерк Сухнова. Сейчас, он мне продиктовал, – Гаврилов полез во внутренний карман пиджака и выудил сложенный вчетверо тетрадный листок. – Вот. В записке было: «Слишком много лжи на дороге к правде».

– Оскар Леонэ, – тихо проговорил Артем, задумчиво крутя в пальцах монету, – Роман «Падение Рима».

– Каков контекст фразы? – поинтересовался Ким.

– Это из диалога Брута со Смертью. Собственно, книга построена на факте переосмысления жизни в момент раскаяния на смертном одре.

– Как записка может быть связана с причиной смерти? – попытался выяснить Николай. Артем лишь пожал плечами.

– Делом Сухнова занялся Тимур, – продолжил доводить информацию заместитель. – Его контакты в МВД смогут прояснить сложившуюся ситуацию. От остальных я требую проверить все возможные контакты координатора, а также навести справки через собственных информаторов. С сегодняшнего дня и до особых указаний Храма я становлюсь временно исполняющим обязанности координатора, прошу с пониманием отнестись к ситуации. Если станет известно, что смерть Кирилла не была результатом самоубийства, то будут приняты соответствующие меры. Вопросы?

– Есть ли сведения о планируемых Кириллом Поединках? – спросил Егор.

Николай одарил Волкова мазком бесцветного взгляда. Если и заметил серость лица одноглазого, помятость и несвежий вид, то не придавал значения. Или привычно предпочел не заострять внимания.

– Координатор не участвует в Поединках, – ответил за него Влад.

– Я знаю, – сухо бросил здоровяку Егор и вновь обратился к Иванову. – И все же, нет ли такой информации?

– Нет, – сухо ответил Николай, качнув лысиной. – Кирилл не вел Поединков.

– Еще вопросы? – серый человек поправил легкую прядь тонких волос, упавших на лоб. – Если вопросов нет, я перейду к насущным делам. Понимаю, что уход нашего брата по вере, нашего боевого товарища тяжелым бременем лег на наши души, но мы должны показать свою любовь и уважение плодотворной работой. Линии судьбы Кирилла распустились и уже сплетаются в новый орнамент. Продолжим же и мы свой путь.

Обычные слова, соответствующие ситуации. Религеры согласно кивнули, коснувшись символов веры на груди.

Иванов выдержал необходимую паузу, лицо его приобрело строгое выражение. Чуть ослабил бледно-зеленый галстук, провел сухими, похожими на ветки старого дерева пальцами по вороту рубашки. Повернулся к Гаврилову, спросил:

– Влад, у меня отмечено, что ты должен был провести рабочую встречу с..., – Иванов приоткрыл папку и пробежал глазами текст на верхнем листе, – С религером рамаи Новиковой. Каковы результаты?

Гаврилов неопределенно пожал плечами:

– Пока преждевременно говорить о каких-то результатах. Мы еще не все обсудили, – здоровяк замешкался, замялся, подбирая слова. – Есть некоторые положительные подвижки, но пока ничего конкретного.

– У меня записано, – настойчиво произнес Иванов и его голос неприятно царапнул слух, – Что состояние положительной неопределенности между тобой, Влад, и этой рамаи, длится уже довольно долго. Почему такие сложности?

У Гаврилова на круглых щеках выступил легкий румянец. Он поспешно заговорил, стараясь не встречаться взглядом с Николаем:

– Как известно, рамаи не представляют угрозы для нашей конфессии, поэтому необходимость Поединка отсутствует. Приходится действовать более тактично. Координатор был в курсе...

– Хорошо, – чуть повысив голос, перебил отдувающегося здоровяка серый человек. – Пусть пока будет так. Но не стоит забывать, что в этой войне каждый союзник – лишь временно затихший враг. Поэтому будьте бдительны, братья. Не дайте себя обвести вокруг пальца. Не ставьте под удар нашу веру. Не будьте слепы.

– Зрячи мы, – глухо ответили религеры.

Иванов на мгновение закрыл глаза, коснулся узловатыми пальцами серебряного ромба на шее. Его примеру последовали присутствующие.

– Продолжу, – заместитель обвел комнату взглядом. – Как временно исполняющий обязанности, я прошу всех собравшихся своевременно оповещать меня обо всех своих шагах и планах. Покинувший нас Кирилл, безусловно, знал и мог анализировать их, но я не обладаю Даром истинного Координатора. Поэтому своевременная корректировка действий поможет вам избежать столкновения лбами во время работы. Действуйте в свободном полете, но я должен знать, куда именно вы летите.

Кто-то кивнул, кто-то молча принял к сведению.

Удовлетворенный тем, что его слышали, Иванов продолжил:

– Теперь ближайшие дела. Сергей, – взгляд в сторону выпрямившегося корейца, – Появилась информация о незваных гостях на нашей земле. Они называют себя люцианами, ведут себя осторожно, но настырно. Нужна исчерпывающая информация о численности и силе Искр, о руководстве и финансировании. В общем, все как обычно. Адреса и фотодокументы возьми в кабинете.

Ким коротко кивнул.

– Теперь ты, Егор, – обратился к одноглазому Иванов. – Сегодня, в районе обеда, езжай в детский дом, забереешь ребенка для ученичества. Документы готовы, машину возмешь в гараже.

– Хорошо, – ответил Волков.

– Только переоденься и прими душ. И сделай дыхательные упражнения, у тебя нездоровый цвет лица.

– Всенепременно, – дежурно кивнул Волков.

– На этом у меня пока все, – Николай сложил руки на пластике папки, обвел взглядом собравшихся. – У кого-то есть что добавить?

Все промолчали.

– Тогда до свидания, – серый человек поднялся из кресла. – Артем, останешься. Есть для тебя сообщение из Собора.

Николай одернул пиджак, вышел из зала. Засопел Влад, пересаживаясь за газетный столик. Встал со своего места Колеров, направился к лестнице наверх.

Поднялся и Егор, закидывая в рот жевательную резинку.

– Тебя подвезти? – обратился к нему кореец.

– Нет, пройдуся, – Егор отмахнулся, – Чую, опять начинаются собачьи деньки. Надо проветриться, пораскинуть мыслишками.

– Как скажешь, – не стал настаивать Сергей.

Егор снял с вешалки пальто и вышел в холл. Методично пережевывая мятную жевачку, посмотрел на гобелен. Пробежался взглядом по тянущимся от маленького человека к недосягнутому Богу нитям судьбы. Наспех осенил себя ритуальным движением и вышел на улицу.

Глава 2

*«Атеизм – это тоже религия»
Рустам Бойцов, Старший ислитов.*

Первую официально зарегистрированную Искру звали Вероника Кахал. 12 марта 1999 года, во время утреннего служения в небольшой церкви Сан-Морено, сорокалетняя аргентинка вдруг воспарила над полом и, находясь в состоянии религиозного транса, левитировала на протяжении трех часов. По словам очевидцев, все это время глаза Вероники были широко распахнуты, с блаженно улыбающихся губ срывались слова молитвы.

Не прошло и часа после «вознесения Вероники», как в церковь прибыла группа репортеров местного телеканала. Расставили камеры, настроили свет, дежурно улыбнулись. И пустили прямой эфир.

Съемка шла прямо с места событий. Фоном служила парящая в разноцветных лучах святищихся витражей фигура скромно одетой женщины с раскинутыми в сторону руками. Плачущая, смеющаяся и поющая толпа благоговейно касалась ее ног.

Трансляция велась до самого конца, до того момента, как Вероника Кахал разом утратила способность висеть в воздухе и упала в заботливые руки новоиспеченных почитателей. На тот момент маленький зал церкви оказался забит под завязку, под сводами стоял оглушительный шум. Тем, кому не хватало места внутри, располагались во дворе, на подоконниках, в проемах открытых окон.

Священник срывающимся голосом объявил, что имело место Чудо. Божья Искра загорелась в истово верующей Веронике и Бог явил себя через нее.

Эта история могла остаться лишь достоянием маленького аргентинского городка. Могла затеряться среди статей на схожую тему, которыми с завидной регулярностью потчуют легковверных читателей со страниц «желтой прессы». Чудо могло предаться забвению, если бы не одно «но».

Через несколько дней Вероника Кахал повторила сеанс левитации прямо в студии телеканала, куда ее пригласили для интервью. Сюжет попал в Сеть.

Спустя сутки о Веронике узнал весь мир.

А спустя еще несколько дней подобное чудо проделал молодой человек в эфире британского ток-шоу. Пришедший вместе с ним араб силой молитвы крошил камень и расщеплял доски.

Уже через неделю практически каждая страна могла похвастаться открытыми дарованиями. Так началось время Искр.

Ученые сломали не одно копые в попытке объяснить причину возникновения аномальных способностей у никак не связанных друг с другом людей. Но единственным условием проявления Дара, которое удалось выявить, было обязательное обращение к Богу. Только верующие могли становиться Искрами. Только посредством молитвы могли сотворяться Чудеса.

Первыми о своей богоизбранности заговорили признанные мировые религии. Их представители, имеющие более широкий доступ к средствам массовой информации, объявляли о том, что именно их Чудеса – истинные. Призывали народ не верить шарлатанам и мошенникам. Громогласно заявляли и разоблачали. Потрясали кулаками и призывали к совести.

Но вскоре стало ясно, что Дар не делал разницы в каноне или ереси, в клире или языке. Не имело значения имя Бога и количество демиургов, различия обрядов и ритуалов, нюансы в трактовке и языке проповеди. Каждый верующий любой захудалой секты мог стать Искрой.

И этот факт породил новый виток религиозных отношений. Этот факт породил религеров.

«Городок в табакерке» – гласила надпись над потертой металлической двери входа. Егору подумалось, что чем чаще он сюда приезжает, тем больше название детского дома наполняет неким внутренним протестом его собственное миропонимание. Ну не мог комплекс из четырех полуразвалившихся строений именоваться столь мило-аристократичными словами как «городок» и «табакерка». Возможно, следовало просто принять во внимание приземистость и скученность построек, нагроможденных на небольшой территории детдома.

Это был один из нескольких детских домов, с которыми работали многие конфессии Города. Здесь, среди брошенных и забытых детей, набирались послушники и ревностные продолжатели традиций. А если повезет, то и потенциальные Искры.

Здание центрального корпуса «Городка», как и сотни ему подобных по всей стране, несло на себе печать общарпанности и казенности. Покрашенные дешевой краской стены, неаккуратно залитая гудроном крыша, угрюмо-бордовые рамы окон с неизменно забеленными краской стеклами туалетных комнат.

Егор поправил жесткий ворот одетого по случаю пиджака, вошел внутрь. Привычно прошелся по коридору, соединяющему два крыла корпуса. Мимо поздравительной доски со свежими детскими фотографиями, мимо акварельных рисунков, мимо рядов синих шкафчиков для верхней одежды. Яркие творения воспитанников «Городка», помимо выставочной деятельности, служили еще и отвлекающим фактором от серых разводов на штукатурке и от потрескавшихся стен. Скрипели под ногами вздувшиеся от влаги половые доски.

Напротив двери с надписью «Директор» Волков остановился. Привычным жестом поправил повязку на глазу, прошелся ладонью по короткой прическе. Удобнее взял кожаную «старорежимную» папку с личным делом ребенка. Решительно постучал и, не дожидаясь ответа, открыл дверь в кабинет.

– Доброго дня, Антонина Рудольфовна, – учтиво поклонившись, произнес Егор.

Тучная женщина средних лет, с высокой, закрученной спиралью прической свекольного цвета, оторвалась от чтения глянцевого журнала и, поверх очков, посмотрела на вошедшего. Водянистого цвета глаза, выглядывающие над холмиками напмаженных щек, пробежали по фигуре мужчины, остановились на лице. Строго-безразличный взгляд профессионального воспитателя, привыкшего давать оценку человеку еще задолго до того, как он откроет рот.

– Егорушка! Здравствуй, – Антонина Рудольфовна отложила чтиво в сторону, ее объемное тело в просторном цветастом платье качнулось вперед, когда женщина сделала приглашающий сесть жест.

Из породы идущих грудью напролом и никогда не снимающих в помещении лохматых зимних шапок, директор детского дома считала себя дамой целеустремленной и умудренной жизнью. Не привыкшая церемониться с воспитанниками подведомственного ей заведения, Антонина Рудольфовна и в жизни старалась давить авторитетом и не терпела мягкотелости. Особенно в мужчинах, к которым, впрочем, питала нескрываемый интерес.

– Присаживайся, Егорушка, – и эта ее привычка всех знакомых именовать уменьшительно-ласкательными именами. – А я только вот на днях тебя вспоминала, думала, почему не заходит? Богатым будешь.

Религер опустил на стул с резной спинкой, доброжелательно улыбнулся, кладя папку на стол.

– Да как-то дела все, Антонина Рудольфовна, некогда было...

– Да-да, у всех дела, – утвердительно кивнула женщина с ярко выраженной горестной интонацией в голосе. – Ко мне, видать, тоже не на чаек заскочил?

Одноглазый уклончиво кивнул, подтолкнул пальцами принесенные документы. Антонина Рудольфовна сразу посерьезнела, ее пухлая ручка с двумя массивными браслетами выпросталась вперед, холеные коготки царапнули красную фактуру кожаной папки. Толстые пальчики задумчиво постукали по толстому досье, вжикнула молния.

– Ну-ка, кто у нас тут? – директор без особого интереса достала листок биографии с маленьким черно-белым фото в уголке. Блеснула очками, вчитываясь в строчки.

Волков молча, ждал, разглядывая репродукцию Айвазовского над рабочим столом. Репродукция была пыльной и потускневшей, носила скорее образовательный характер для малолетних посетителей этого кабинета, чем указывала на художественный вкус Антонины Рудольфовны. На вкус Антонины Рудольфовны указывал настенный календарь с изображением участников популярного ток-шоу.

– Ну что ж, – женщина сняла очки и постукала дужками по листу, – Как всегда, хороший выбор. Мальчик здоровый, активный, сообразительный. Немного хулиганистый, но это возраст, – лист лег поверх папки. – Егор, как долго мы уже с тобой работаем?

– Пять с половиной лет, – Волков подался вперед и облокотился локтями о стол. Исходя из опыта, подобные слова из уст Антонины Рудольфовны можно услышать лишь в одном случае. И этот случай возникал раз в несколько месяцев.

– Вот, Егорушка, пять с половиной лет, – директор откинулась на спинку мягкого кресла и улыбнулась. – Время-то как летит, господи-боже-мой. Как один день. А я ведь старею, Егорушка. Вот, думаю, годик-два еще поработаю – и на покой.

– Ну что вы такое говорите!

– Ох, так и есть, – отмахнулась Антонина Рудольфовна. – Пора уже и собой заниматься, своей жизнью. А то все тут, всю красоту свою положила на этих вот питомцев, – дужка очков в очередной раз припечатала к столу листок с данными ребенка, – А жизнь какая, Егорушка, сам знаешь. Цены растут, кругом ворье, бандиты. Страшно жить. Это вы, рыцари без страха и упрека, божье воинство, а я – одинокая женщина. Обычная одинокая женщина.

Религер дежурно кивал, уставившись на свои сложенные на столе ладони. О, где-то край манжета испачкал.

– А я на юг хочу, Егорушка, – женщина мечтательно вздохнула, провела рукою по волосам, – К воде соленой, к белой пене прибоя. Отдохнуть, устала.

Она замолчала, словно текст дочитала. Егор еще раз понимающе кивнул, поднял взгляд.

– Как я вас понимаю, Антонина Рудольфовна, – наступил его черед сотрясать воздух, – Но вы не поверите – как раз на днях вопрос возник о том, что нужно хороших людей как-то отблагодарить за дела их добрые. А я сразу о вас вспомнил, – Волков многозначительно поднял бровь, – Так что, думаю, с морем проблем не возникнет. Более того, – быстро опередил готовый вопрос директора Егор, – Я думаю, что вам нужно счет в ячейке проверить. Что-то мне подсказывает, что там сумма несколько выше той, что вы ожидали увидеть.

– Ой, да что ты, Егорушка, – кокетливо хохотнула Антонина Рудольфовна. – Я про море то так, к слову.

– А почему к слову? Езжайте, отдохните, – одноглазый указал на принесенную папку. – Так с мальчиком-то что?

– А что с мальчиком? – удивленно переспросила женщина. – Документы все в порядке, разрешения на месте. Ребенку, опять же, все лучше у хороших людей, чем все детство в детском доме провести. Мы же обеспечить его будущим не сможем, практически на улицу выходят детишки. А у вас хоть человеком станет, не в голоде и холоде жить будет. И потом, организацию ты представляешь авторитетную, уважаемую, с устоявшейся репутацией, так что причин отказывать у меня нет.

Пухлая ладошка легла на стол, завершая разговор:

– Забирай мальчика, Егорушка. Я распоряжусь, его в течение получаса подготовят.

В ожидании мальчика Егор вышел на улицу, закурил. Выпустил вверх длинную струю дыма, некоторое время наблюдая сквозь сизую дымку кроны деревьев. Зажал в зубах сигарету, достал из внутреннего кармана телефон. Два нажатия кнопок, быстрый набор. На другом конце ответили почти сразу.

– Алло, Николай, – произнес Волков и медленно пошел по узкой дорожке вдоль детского дома, шурша опавшими листьями. – Рудольфовна опять прибавки просит... Да... Да... Нет, проблем не было... Хорошо, думаю, не помешает. Устрой ей поездку на море, как в прошлый раз... Да, в дом отдыха... Да... Хорошо. Увидимся.

Одноглазый отключил связь, вернул телефон в карман пиджака. Хмуро усмехнулся, решая внутренний спор с самим собой – как долго директор не будет просить прибавки к сумме взятки. Выходило, что желание получать все больше и больше приходило к Антонине Рудольфовне все чаще и чаще. И без того, ведя двойную бухгалтерию, «почетный педагог» отстроила себе неплохой коттедж в центре города за счет денег, отведенных на ремонт детского дома. Что уж говорить о махинациях с продуктами и имуществом в стенах «Городка». Все это Егор знал и нисколько не обвинял Антонину Рудольфовну – в конечном итоге, именно эта коррумпированность и позволяла религерам получать липовые разрешения на попечительство. А возможность забирать к себе детей в ученичество являлась для всех конфессий залогом уверенного будущего, необходимым условием выживания. Потому работа с детскими домами и интернатами продолжалась в том объеме, в котором потраченные деньги итогом окупались сторицей.

Потому и увеличивающиеся вливания в карман Антонины Рудольфовны не были чем-то из ряда вон выходящим. Конечно до тех пор, пока ее запросы находятся в пределах разумного. Но стоило опасаться того, что после первого же отказа женщина пойдет на шантаж. Зная характер директора, Егор не сомневался, что жадность победит здравый смысл.

Он бросил в один из стоящих у дорожки мусорных бачков окурок, взглянул на часы.

– Молодой человек, – окликнул одноглазого испуганный старушечий голос.

В дверях входа в детский дом стояла пожилая женщина в мятом белом халате, надетом поверх драпового пальто с торчащими из пол нитками. Вязаный платок на шее, седая копна кое-как уложенных волос. Тревожно-изучающий взгляд выцветших глаз.

– Доброго вам дня, Зинаида Александровна, – Егор позволил себе улыбнуться. – Как здоровье?

Одна из нянечек детского дома, Зинаида Александровна дико боялась приходящих религеров. Считала себя очень набожной, часто причитала и охала. Обычная сердобольная старушка, истово заботящаяся о детдомовцах и стоически терпящая унижение от них же. Волков знал и ее – служение обязывало знать тех, с кем имеешь дело.

– Митенька одет, ждет вас в коридоре, – не обратив внимание на вопрос, еле слышно проговорила няня, отступая вглубь здания.

– Хорошо, – Егор протиснулся мимо старушки. – Не болейте.

И, уже удаляясь по коридору, услышал дрогнувший от нечаянной смелости голос Зинаиды Александровны:

– Вы хоть в бога верите, нелюди?

И лишь дверь захлопнулась, когда Волков обернулся.

Мальчик Дмитрий Беяков, одиннадцати лет от роду, оказался худ и как-то, по ощущениям, колюч. А так же взлохмаченный, злой и хамовитый.

Явно прошедшая через десятки рук, затертая до белесых пятен дутая куртка с надписью «Булз» на спине, висела на Митеньке пузырем. Спортивные штаны китайского пошива, с цветными вставками на голени, не вязались с осевшими гармошкой, грязными полусапожками с разошедшейся молнией. От мальчика пахло влажной тканью и прелостью.

На узком лице мальчика угрюмо горели крупные глаза, смотрящие на мир сквозь призму личной обиды. Митенька был одним из тех, от кого любое учебное учреждение старается избавиться в первую очередь – заядлый хулиган с бурной фантазией.

Ехали молча. Егор уверенно вел джип по скользкой от дождя трассе, изредка бросая взгляд в зеркало, на сидящего на заднем сиденье мальчика. Митенька заинтересованно пялился в окно, беззастенчиво ковыряясь пальцем в носу и вытирая его о кожаный салон.

– Ноздрю не порви, хулиган, – посоветовал ему Волков. Подросток поймал взгляд в зеркале, но даже не смутился. Палец от носа убрал, но с кривой ухмылкой парировал:

– А ты, дядя, вижу, даже мимо носа промахиваешься. Вон, глаз себе выбил.

Егор усмехнулся, утвердительно кивнул. Мальчик насупился и вновь уставился на пролетающий за окном пейзаж.

Джип следовал по дороге в аэропорт. Черным болидом пролетали автобусные полустанки с одинокими людьми. Шелестя шинами, обгонял длинные автопоезда с огромными колесами. Мимо деревенек, мимо заправок и придорожных кафе.

Не все претенденты на послушничество становились адептами. Не все послушники становились служителями. И уж совсем мало кто из служителей достигал высот религиозной иерархии. Но практика набора последователей веры из числа неблагополучных слоев населения пока оправдывала себя, давая наивысший процент результата. Сложно было сказать, кто выйдет из бывшего теперь уже детдомовца Белякова, но то, что спустя полгода парня будет не узнать, Волков знал точно – в Школах умели говорить так, чтобы донести смысл слов даже до самого трудного подростка. А потому воспитывать сейчас Митеньку, вступая с ним в перепалку, не входило в обязанности религера – он должен был просто доставить его наставнику.

– Дядя, а ты ждал, что я брошусь к тебе с криком «папа»? – скучающий мальчик вновь решил попробовать на толерантность своего сопровождающего. – Ведь ждал же?

Волков удостоил его лишь взглядом в зеркало.

– Ждал, – ответил за него Митенька и удовлетворенный откинулся на сиденье. – Музыку поставь, папанька. Я тебя это... люблю тебя я. И пожрать купи.

Одноглазый даже бровью не повел.

Свернули на дорогу к аэропорту. Мимо пронеслась стоящая на обочине фигура в желтом жилете патрульного постового. Проехали отметку «Аэропорт – 10 км».

– Я все равно сбегу, – вдруг угрюмо сказал парень. – Потому, что ты меня в секту везешь, для жертвы.

– Почему сразу для жертвы? – Егор вдруг поддержал разговор, почувствовав, что за словами мальчика что-то кроется. – Может, на органы сдам. Печень здоровая?

Митенька подался вперед:

– Вы нас своим богам приносите в жертву. Вон, Колька рассказывал, Маринка тоже. Увозите и заставляете на себя работать. Там нас таких много. Вечерами книжки всякие учить заставляете. Это...зомбируете. А потом кого-то уводят. И все, только его и видели. Вон, у Маринки даже накладка осталась на спине, ей в такой вот секте сделали...

– Какая накладка? – перебил поток информации Егор.

– Татуировка. Звездочка, типа как на картах рисуют, только лучей побольше.

Волков перестроился в правый ряд, сбросил скорость. Щелкая камушками гравия по днищу, джип прижался к обочине и встал.

– Дядя, ты чего, – испуганно проговорил мальчик, – Я...

– Ну-ка, босота, рисуй, – блокнот и карандаш, извлеченные из бардачка, упали на колени Белякова. – Рисуй пока есть чем.

Художественный талант у подростка присутствовал – через пару минут Волков разглядывал аккуратную звезду с девятью лучами и похожим на паука символом внутри.

Глава 3

«Религия является тем якорем, который не дает человечеству усомниться в собственном существовании».

Из лекции пастыря амонариев Ири студентам факультета теологии Городского Университета

Где-то над головой прогудел невидимый за тучами самолет, уносящий мальчика Беякова к его будущему – Школе-монастырю в небольшом провинциальном городке. Через несколько лет он вернется уже другим человеком. Или не вернется.

– И когда спросили они слепого юношу, что же именно он рисует, то ответил он им: «Я рисую Бога!»...

Волков миновал очередного уличного проповедника, расположившегося в специально отведенной зоне возле трамвайной остановки, свернул за угол, на проспект.

Для обеденного времени народу было много. Люди текли по проспекту как вода по желобу, сбивались в заторы на светофорах, сворачивали в проулки, просачивались в многочисленные кафе и магазины. Каждый из них, наверняка, мнил себя кораблем среди океана, но на самом деле являлся всего лишь одной из сотен серых капель для другого корабля.

Для того, чтобы затеряться в толпе, нужно считать себя именно каплей. Обычной каплей, любящей толпы, потоковое движение и общественный транспорт. Егор преуспел в искусстве «не быть кораблем» когда того требовала ситуация. Как, к примеру, сейчас.

Одетый неброско, впрыгивающий в закрывающиеся двери автобуса, не спешащий, но и не идущий слишком медленно, останавливающийся у витрин и газетных киосков, чтобы невзначай осмотреть окружающее пространство – Волков использовал все известные ему уловки. Человек, к которому религер шел на встречу, был слишком ценен, чтобы привести к нему возможную слежку.

Подобным образом Волков обставлял свои randevu с информаторами уже более пяти лет. Опыт показывал, что не зря.

Егор поравнялся с ларьками, продающими дешевый «фаст-фуд». За круглыми столиками меланхолично пережевывали жесткое мясо, подцепляя его пластиковыми вилками с бумажных тарелок, маргинально вида личности с пропитыми лицами. Чуть в сторонке толстая тетка с огромной клетчатой сумкой, стоящей возле ног, мелкими, судорожными глотками пила горячий кофе. Рядом, чумазый, с занудным голосом, вился тощий цыганенок с протянутой ладонью.

Когда-то Волков любил этот город. Но с тех пор слишком многое изменилось в его жизни. Слишком сильно изменился сам город.

От бывлой любви остались лишь раздражение и чувство брезгливости. А еще стыд, будто Егор и сам приложил руку к этим отвратительным метаморфозам.

Впрочем, отчасти это предположение было правдой.

Ларьки остались позади. Егор остановился на светофоре, перешел на другую сторону улицы. Продолжил свой путь в тени длинной торговой галереи с огромными витринами и яркими разноцветными вывесками.

За последние годы Город приобрел вид усталый и фальшивый, словно продавец сетевого маркетинга. За улыбками рекламных персонажей, за сверкающими огнями, манящими к праздности и достатку, за мельтешащими картинками на электронных табло и зычными головами зазывал всех мастей, скрываются обшарпанные, грустные фасады домов, грязный асфальт улиц и тяжелый запах большого мегаполиса.

– Сегодня день рождение Бога! – выступил за белый полукруг разрешенной зоны очередной уличный проповедник в ярком наряде. – Возьмите флаер, узнайте, какие вас ждут бесплатные подарки, если придете к нам на лекцию!

Егор решительно оттолкнул предложенный листок, не поворачивая головы прошел мимо. Смешался с толпой на пешеходном переходе, вновь пересек проспект. Вдали уже показалась вывеска искомого кафе, нужно еще раз проверить наличие нежелательных попутчиков.

– Вы хотите стать богатым, но не знаете как? – бородатый мужчина в ярко-зеленой тоге и с волосами, затянутыми в тугий пучок на затылке, протянул на встречу Волкову разрисованные хной руки, – Наши Боги помогут вам и вашей семье!

– Себе помоги, придурок, – произнес одноглазый, отгалкивая пахнущие благоуханиями ладони. Чертыхнулся и в который уже раз за день пожелал всем богам мира сдохнуть.

Ведь что может быть лучше мира без богов?

Прохладный полумрак зала на цокольном этаже. Приятный запах кофе и выпечки. Тяжелая деревянная мебель с резным декором, создающая ощущение защищенности. Быстрые и незаметные официантки, вкусная еда и приоткрытая дверь кухни, за которой находился черный ход.

Волкову решительно нравилось в «Дубраве».

По другую от Егора сторону массивной столешницы сидел худой, с двухнедельной щетиной мужчина неопределенного возраста. Толстый свитер висел на его плечах как на вешалке, длинные узловатые пальцы то и дело поправляли круглые очки на остром носу. Серо-зеленые глаза, тонкие, поджатые губы, лихорадочный румянец на впалых щеках. И цепкий, пронзительный взгляд, все подмечающий и запоминающий, высокий лоб интеллектуала под неопрятной челкой. А еще, страшный шрам поперек шеи, старательно скрытый высоким воротом свитера.

Человека звали Роман Ильин, он называл Волкова своим другом.

Принесли горячее. Роман неторопливо достал завернутые в салфетку вилку и нож, деловито потыкал исходящий паром эскалоп. Принялся методично разрезать на тонкие дольки мясо, стуча лезвием ножа по тарелке.

Волков проводил взглядом официантку, пододвинул к себе глубокую тарелку и вооружился ложкой. Не обращая внимания на звучные позывы голодного желудка, со сдерживаемой жадностью стал поглощать наваристую солянку, периодически прикладываясь к запотевшему бокалу золотистого пива.

Некоторое время над столом раздавались лишь звон посуды да довольное урчание Волкова.

Когда же официантка унесла пустую посуду, а на столе появился пузатый чайник и еще один бокал пива, Роман откинулся на спинку кожаного кресла и, иронично улыбаясь, спросил:

– По какому поводу был праздник?

Егор сверкнул единственным глазом, неопределенно пожал плечами:

– Тебе соврать или сам повод выдумаешь?

Ильин усмехнулся:

– Да ладно, чего ты. Просто выглядишь хреново.

– Ленин в мавзолее тоже не очень выглядит, а еще нас с тобой переживет, – Волков склонил голову на бок. – И вообще, что за тон, что за ухмылочки? Ты мне это прекращай.

Он потянулся через стол, приоткрыл крышку чайника. Вдохнул влажный, густой пар, ароматным облаком поднявшийся вверх.

– Что за чай? – с подозрением покосился он на улыбающегося Романа.

– Пуэр.

– Кипяченым навозом воняет, – религер опустил крышку. – Ну, перейдем к разговорам серьезным да суровым. Как дела?

– Все в порядке, – утвердительно кивнул Роман. – Не переживай.

– Мне несвойственно переживать.

– За тобой слежки не было? – в свою очередь осведомился Ильин.

– Нет. Не думаю.

– А с помощью Искры?

– Я бы почувствовал, ты знаешь, – Волков склонил голову на бок, спросил в свою очередь пытливо. – А есть повод беспокоиться?

– Что-то у нас беседа по кругу пошла, – крикнул Ильин. – Повод беспокоиться есть всегда, Егор. Особенно нам. Новые религии плодятся как мокрицы под поленом. Видел сколько уличных проповедников? Проходу не дают! А сколько храмов и приходов строится? Я их уже различать перестаю, хотя повидал на своем веку превеликое множество.

– Зато без работы не останешься, – резонно заметил Егор. – Ты сейчас у кого?

– А, – отмахнулся Роман, наливая себе чай. От напитка, с тихим журчанием заполняющего белоснежную внутренность чашки, потянуло терпким травяным запахом. – У маринцев. Забавные ребята, но долго не протянут.

– Маринцы? Которые неоязычники?

– Они самые.

Роман ловко подцепил щипчиками два кусочка коричневого сахара, опустил в чашку. Спросил:

– Слышал, у вас с координатором несчастье?

– Повесился. Или повесили, – Волков облизал с губ пиво. – Пока не выяснили. Ничего не слышал про него в последнее время? Может быть, Поединки вел? Встречался с кем-то? Что-то необычное?

Ильин покачал головой:

– Нет, ничего не слышал. Но уточню, если нужно.

– Нужно.

Егор взглянул на часы. Похожие на осиные жала стрелки показывали двадцать минут четвертого. Прикинул оставленные на вечер дела. Не хотелось бы откладывать их на завтра. Вновь поднял взгляд на своего худого собеседника.

Роман Ильин являлся профессиональным сектантом, внедренным инсайдером. Он проникал в различные религиозные общины и коммуны, становился одним из верующих и раскапывал всю подноготную, до которой мог дотянуться. Источники финансирования, имена правящей верхушки, адреса Искр, планируемую сектами стратегию выживания и даже любимые приемы религеров – все это Роман вытаскивал на свет и нес Волкову. Некоторые конфессии выкладывали за голову этого информатора хорошие суммы. По следу Романа то и дело пытались идти наемные головорезы, ищейки конкурентов, обиженные религеры. Ильин, не без помощи Волкова, каждый раз выходил сухим из воды. И прятался на некоторое время, пережидая.

Пережидать Роман предпочитал в других сектах, мастерски меняя внешность.

А еще он когда-то был Искрой. И перестал быть таковым после Поединка с Егором.

Ильин подул на чай, пригубил. Блаженно зажмурился, причмокнул, ощущая вкус на языке.

Волков терпеливо отхлебнул пиво.

Наконец информатор открыл глаза, оценивающе причмокнул.

– Эй, эстет, – привлек его внимание щелчком пальцев Егор. – У меня время поджигает, давай уже к делу.

– Ну, – Роман подобрался, его лицо приобрело сосредоточенное выражение. – В прошлую пятницу видел религера тифонитов Язvu возле храма бланцев. Сам знаешь, он из своего логова редко выползает, а тут средь бела дня нарисовался. Стоял, курил, бросался мусором в прихо-

жан. Дал в морду вышедшему на крыльцо настоятелю храма. Приехали религеры бланцев и Язва поспешно скрылся.

– Язва в своем репертуаре, – усмехнулся Егор. – Секс, наркотики, рок-н-ролл?

Ильин пропустил мимо ушей риторический вопрос, продолжил:

– В основном, новости все больше по мелочам. Амонарии выкупили землю на Тенистой. Ходят слухи, что под новый филиал. Ордалианский священник сжег себя в знак протеста против закона об упрощенной регистрации сект исилитского толка.

– Это я слышал.

– Две Искры погибли в Поединках. Один мне неизвестный из гностиниан, вторую ты знал – Илия из бантийцев.

– Туда ей и дорога, бездушной стерве, – отсалютовал Волков. – Кто так постарался?

– В том-то и дело, что непонятно с кем были Поединки. Все молчат, никто не заявляет о победе.

– А какой смысл тогда был в Поединке?

Роман пожал плечами.

– Кабы знать. Кстати, о странном. Буквально вчера слышал от одного знакомого. Говорит, что в городе странная Искра завелась. Мол, видели возле городского сада парня, который силой Дара создавал сахарную вату и раздавал ее встречным детям.

Егор нахмурился и уставился на собеседника.

– Ты прикалываешься, я не пойму?

Ильин смутился, беспомощно развел руками.

– Ну, за что купил – за то продал. Сам просил собирать интересную информацию.

Волков пораженно вздернул брови.

– Но не детские же сказки, Рома!

Ильин промолчал, отпивая чай.

– Ладно, хрен с ним, не важно, – отмахнулся Егор. – Что-то еще?

– Собственно то, ради чего я тебя и позвал, – наконец перешел к цели разговора Ильин. – Ты в курсе, что Калина организывает свою ячейку? Я, правда, пока не знаю, то ли она сама себя выставляет центральной Искрой, то ли где-то нашла человека со способностями, но факт фактом. Говорят, что регистрацию уже прошла. Для резиденции облюбовала себе место в старой школе на Лермонтова.

– Как она хочет с одной Искрой на ноги встать? – спросил Егор. – Ее кто-то под крыло берет?

– Да. Я так понял, что Калина после ухода от ордалиан долгое время крутилась среди ребят Князева.

– Возле Князева? – удивленно поднял бровь Волков, – Он же исилит! Он ордалиан на дух не переносит.

– Видимо, Калина предложила что-то довольно весомое, – уклончиво ответил Роман, усмехнувшись. – Я подозреваю, что она сдала новым покровителям казначея, перевозившего довольно крупную партию пожертвований из тайника.

Егор приложился к бокалу, ощущая губами пузырьки в пиве. Услышанная новость была интересной и действительно стоящей. Но что-то этот прощелыга все же недоговаривает.

– Выкладывай все, Рома, – он оставил бокал. – Переход религера из конфессии в конфессию, конечно, редкость, но Калина давно отличалась вольностью взглядов. Так в чем собака порылась?

Ильин щелкнул пальцами, в довольной улыбке оскалив зубы.

– Хватку не теряешь, да? Ты прав, Дело не только в Калине. Точнее, не только в ее поступке, – Роман подался вперед, облокотившись грудью о столешницу. – Я как у маринцев-то оказался? По городу поползли слухи о роспуске тройки мелких общин, которые даже толком

начать работать не успели. В одной Искру исилиты потушили, в другой – амонарии, в третьей она сама пропала куда-то. Но вот в чем интерес – за некоторое время до этого к ним ко всем приходила Калина. И теперь она образует свою религию, в которую валом валят бывшие верующие из этих самых общин. Князев же Калину еще и прикрывает, заявляя о протекторате над ней. А не так давно она заходила и к маринцам. Теперь я жду развития событий. Ну, мне удалось тебя удивить?

Волков лишь опустил брови, которые поднималась на протяжении всего рассказа информатора. Действительно, ситуация была крайне странной и непонятной.

– Мда, – озадаченно сказал он, поглаживая подбородок. – Шутки шутками, но могут быть и дети.

Он одним движением допил пиво, грохнул бокалом о стол.

– Короче, тебе нужно попасть к Калине в общину. Я должен знать, что за игру она ведет.

– Не так быстро, – отъехал на стуле обескураженный Роман, поднимая руки. – Я только втерся в доверие к шаману маринцев. Если их постигнет участь предыдущих сект, то я, хотя бы, увижу ситуацию изнутри.

– Пусть так, – согласно кивнул Егор. – Но потом ты мне нужен подле Калины. Пока у нее немного народа ты успеешь занять места повыше.

– Ты так просто об этом говоришь! – восхитился Роман. – Как будто раз-два и в дамках! Я с Калиной связываться не хочу, я ее, без дураков, боюсь. Ты лучше отправь к Калине своего фанатика. Как его там?

– Феликс.

– Во-во. Отправь Феликса. Он ради веры хоть на костер.

Волков покачал головой.

– Я, конечно, верю в нашего святого воина, но Калина ему не по зубам. Эта хитрая бестия раскусит Феликса за один прием. И сожрет. А он мне еще нужен.

– А я не нужен, значит?

– Нужен, и я в ином случае не подставлял бы твою мягкую, розовую попку под острые коготки нашей прекрасной фурии. Но, сам понимаешь.

– Язык мой – враг мой, – пробубнил Ильин, сдаваясь. – Пусть будет по-твоему.

– Тогда вот еще что, – одноглазый поднял вверх палец, призывая к вниманию, запустил руку во внутренний карман висящей на спинке стула куртки, вытащил сложенный листок.

– Давно такое вот видел? – спросил он, разглаживая на столе картинку, сделанную Митенькой.

Роман перегнулся через стол, пододвинул листок к себе. Задумчиво протянул:

– Что-то знакомое, но не припомню что именно, – он повернул листок, посмотрел под другим углом.

– Я тебе подскажу. Эту татуировку сделали девочке. Судя по всему, потенциальной Искре.

– Точно! – обрадовано воскликнул Роман, хлопнув себя по лбу, – Звезда Талема!

Отодвинул лист, нахмутив одну бровь, спросил:

– А чего тебя на эту графическую чушь пробило?

– Дело в том, что не меня, – Волков убрал листок обратно в карман. – Кто-то практикует. Или пытается.

– Но это же ерунда! Никто в здравом уме подобными вещами заниматься не станет.

– Ну не скажи, – не согласился Егор. – Сам знаешь как у нас некоторые, кто в здравом уме, человеческими жертвоприношениями баловались.

– Я бы не сказал, что Ли был в здравом уме.

– Ну, вопрос спорный. Так что с этой «звездой»? Говорят, с ее помощью можно силу Искры форсировать?

– Слухи, – упорствовал Роман. – Мол, жертву в расход, а ее жизненная энергия переходит в Искру. Тем самым, усиливая ее. Только вот за подобные вещи Доминион по головке не погладит.

– Скажем так, – продолжил мысль собеседника Волков. – Если эти неизвестные нам ребята настолько остро и отчаянно нуждаются в усилении своих Искр, то им на Доминион уже плевать, верно? Осталось только понять кого же так прижало.

Роман тяжело вздохнул, понимая собственную участь, обреченно произнес.

– Я попробую разузнать.

– Вот и чудно, – хлопнул ладонью по столешнице улыбающийся Волков. – Мой единственный глаз радостно смотрит на тебя?

– Нет.

– Странно, потому что я не перестаю радоваться нашему знакомству.

Но шутка не удалась. От Егора не ускользнуло, как Ильин машинально поправил ворот на шее, закрывая шрам.

– Да, – ответил Роман, сдавленно кашлянув, – Я тоже рад.

Повисла неловкая пауза.

Что чувствует птица, которой сломали крылья?

Глава 4

«– Кто считал, сколько было убито людей из-за различных религиозных разногласий? Сколько их было за всю историю человечества?»

– Ну, давайте не будем сгущать краски»

Ток-шоу «Две стороны», 1998 год

Зима в тот год затянулась, выдалась злой и холодной. Под ногами хрустел утоптаный снег, нестерпимо сияя белизной под скупым февральским солнцем. Где-то вдалеке одиноко кричала ворона.

Хороший день, чтобы умереть, как сказал координатор Сухнов, напутствуя религеров перед предстоящим боем. Так же думал и Волков, сжимая в карманах короткой куртки ручки выкидных ножей.

Трое на трое. Именно такую схему предложили им для Поединка за территорию.

Мистириане желали обосноваться в этом райцентре, расположенном в нескольких километрах от Города. Проблема заключалась в том, что здесь давно и прочно обосновалась секта Вельзы – не очень крупная конфессия, принадлежащая к ордалианская ереси. Впрочем, если верить добытым данным, сами же ордалиане эту секту и поддерживали. Вельзы являлись их марионеточной оппозицией, пугалом для прихожан. Однако в этом не было ничего неординарного, подобная практика являлась обычной для многих крупных религий.

Как обычно, после разведчиков в город прибыли Старшие. Он нанесли визиты всем руководителям самых влиятельных в районе религиозных течений. Результатом долгих и тяжелых переговоров стало согласие на предоставление места под строительства храма и резиденции мистириан.

Конечно, можно было не соблюдать весь этот этикет, попросту явиться и начать обустриваться. Но Старшие предпочитали решать проблемы миром, осознавая все последствия недуманных поступков.

Однако, неожиданно выяснилось, что на отведенное под строительство место претендуют вельзы, которых даже в расчет никто не принимал. На все призывы разойтись миром, они отвечали отказом, упорно настаивая на Поединке. Что заставляло задуматься, потому как влияния в городе они почти не имели и, по своей воле, не решились бы перечить более крупным конфессиям. Было сделано предположение, что их к такому «кляцанью зубами» принудили ордалиане. Известные интриганы, видимо, решили посмотреть на мистириан в деле, подставить под удар слабую фигуру, чтобы оценить силу потенциального противника.

От Поединка отказаться невозможно, таков Закон. Исходя из обстоятельств, координатор Сухнов выбрал для боя троих – новичков Егора Волкова и Константина Ремезова, а также, в усиление, более опытного Кима.

Для Волкова и Ремезова этот Поединок – первый. Оба недавно вернулись из Школы, у каждого своя Искра. Два дня назад Ким попытался обыграть примерные сценарии Поединка, но дерганый и суетливый Костя постоянно что-то путал и забывал. Его Дар назывался «Щитом», позволял создавать вокруг определенных людей и объектов кратковременные, но практически непробиваемые невидимые коконы. Вот только Ремезов сильно нервничал, на тренировке его защита то не успевала прикрыть товарищей, то не прикрывала их до конца. В конечном итоге, Киму удалось добиться хоть какого-то результата, а Егору оставалось лишь поражаться безграничному терпению и хладнокровию корейца. На заданный Волковым вопрос о разумности выбора Ремезова в качестве третьего бойца для Поединка, Ким с абсолютной уверенностью сказал, что людей отбирал Сухнов, а Координаторы очень редко ошибаются.

Егор, конечно, поверил опытному товарищу. Но сейчас, глядя на трясущиеся губы Костика, в нем вновь заворочалось сомнение. Он перевел взгляд на корейца, который спокойно разглядывал окрестности, раздраженно сплюнул.

По ту сторону заснеженного пустыря топталась троица вельзы – женщина и двое мужчин. Егор прищурился, чтобы лучше рассмотреть их.

Один мужчина худой и высокий, с синей тенью щетины на впалых скулах. Глаза лихо-радочно шарили по полю предстоящего боя, зажатая в зубах сигарета напряженно подергивалась. Поймав взгляд Егора, отвел глаза, ссутулился и, засунув руки в карманы куртки, отошел в сторону.

Нервничает. Боится. Это хорошо.

Женщина невысокого роста, на щеках нездоровый румянец. Осунувшееся лицо, тонкая линия бледных губ, темные запавшие глаза. Из рукавов короткого полушубка торчали тонкие пальцы с зажатыми деревянными четками.

Их что, морят голодом? И почему она что-то бормочет постоянно? Неужели она – «радио»?

А вот третий религер явно выделялся из своей команды. Похожий на бочонок, приземистый коротышка с бордовым лицом. Из-под низко надвинутой кепки смотрели цепкие, колючие глаза. От него буквально веяло заряженностью на победу. Сосредоточенный, уверенный в себе. Опасный. Среди своих братьев он как питбуль в стае дворняг.

– Какие мысли? – спросил Егор, наклоняя голову к корейцу.

Ким выдохнул облако пара в морозный воздух, задумчиво ответил:

– Вон тот, худой, который курит, разменная монета. Если не упустить, то с ним проблем не будет. Женщина похожа на «радио», все время повторяет одно и то же.

– А тот, в кепке? – решил проверить свои опасения Волков. – Что о нем скажешь?

– Ордалианин, – кореец даже не сомневался. – Я его видел, когда вместе со Старшими ходил на прием. Должно быть хороший боец, сильная Искра. Костя, подойди!

Приблизился Ремезов. Волков уловил запах дешевой водки.

Почуял резкие спиртовые нотки в морозном воздухе и кореец. Его стройная фигура в шерстяном пальто одним плавным, еле уловимым движением оказалась вплотную подле трясущегося Ремезова. Палец в темно-бордовой кожаной перчатке железным прутом ткнул в грудь опешившему религеру.

– Ты пил?

Под пронзительным взглядом черных глаз Костя побелел.

– Я... – он шумно сглотнул, отчего острый кадык, словно лифт, рванул вверх-вниз. – Для храбрости...

Кореец раскрыл ладонь, требовательно качнул ею. Ремезов скособочился, залезая в свой глубокий карман, выудил на свет сплюснутую бутылку-шкалик.

Ким презрительно окинул взглядом спиртное, отвинтил золотистую крышку и вылил прозрачную жидкость на снег.

– Вера запрещает нам употреблять пьянящее, – спокойным голосом, от которого пошли мурашки по коже, произнес кореец. – Спиртное ослепляет тебя, застилает твой разум от истины. К тому же, неприемлемо выпивать перед Поединком, ты не сможешь сосредоточиться на своем Даре. Сколько ты выпил?

– Несколько глотков всего...

– Сделай дыхательные упражнения, заставь кровь живее бегать по венам. У тебя пять минут. Потом я повторю тактику предстоящего боя. Если мы все сделаем верно, победа останется за нами. Поторопись.

Кореец отступил в сторону и повернул голову на приближающийся гул. На пустырь, из-за серой коробки заброшенного склада, выкатывал серебристый микроавтобус.

– Судьи уже прибыли.

Волков не знал, кто придумал правила Поединка. Он мог только догадываться, чем руководствовались первые религеры, проводящие бои. По сути, правил почти и не было, весь регламент Поединка представлял собой набор ограничений и условностей.

В Поединке позволялось участвовать только Искрам.

Если Поединок предстоял принципиальный, то могли назначаться Судьи. Но чаще всего, особенно когда дело касалось обыденных, частных боев, обходились без них.

В Поединке запрещалось использовать любое оружие, кроме холодного, ударного или дробящего, а также с длинной рабочей части оружия более тридцати сантиметров.

В Поединке с обеих сторон должно участвовать равное количество бойцов, если иное количество не устроит обе стороны.

В идущий Поединок не может вмешиваться третья сторона.

Победа в Поединке присваивалась тому, кто смог поставить противника в ситуацию, при которой тот больше не может или не хочет продолжать бой.

В Поединках, случалось, гибли религеры. Это их работа.

Таковы общие правила. Остальные нюансы обговаривались по мере необходимости, на месте.

Пребывая в прекрасодушном заблуждении, Егор еще не знал тех грязных боев, которые ждали его впереди. В ту зиму он еще старался быть благородным к противнику. Он не видел необходимости быть жестоким или мстительным, не знал лично своих врагов и не испытывал к ним ненависти. Людям свойственно заблуждаться, особенно в сложных вопросах веры, стоит ли их винить в этом? Это не повод убивать.

Потому он решил, что лезвия выкидных ножей останутся внутри рукоятей до крайнего момента. Это не противоречило тактике, предложенной корейцем.

Киму говорить он ничего не стал. Ремезову тем более.

Когда они сшиблись, в воздух полетел чистый белый снег впережку с черными комьями мерзлой земли. Закружили на месте, изучая друг друга искрящимися от напряжения взглядами. Часто задышали, выбрасывая тепло густым паром на мороз.

Вельзы предприняли обычную и, в общем-то, предугаданную Координатором тактику. Ударным центром стал коренастый религер. Его багровое лицо ярким пятном выделялось на фоне сугробов, угрюмый взгляд из-под бровей сосредоточенный и вдумчивый.

Худой прикрывал своего товарища, оставаясь за спиной и изредка выпрыгивая для контратак.

На заднем плане, на границе пустыря, застыла женщина-«радио». От нее буквально исходила нагнетаемая молитвой сила.

Ким выбросил вперед руку, и в воздухе сверкнула металлическая дубинка-тонфа. Коренастый ордалианин ловко поднырнул под удар, его тяжелые кулаки, одетые в черные кастеты, рванулись к незащищенному боку корейца.

Этого Волков и ждал. Его задачей было ударить с фланга, как только ордалианин пойдет в атаку.

Егор прыгнул вперед и в сторону, одновременно ударяя жесткой рукоятью ножа в багровое лицо противника.

Удар наткнулся на неуверенный, но хорошо исполненный блок худого, который, в свою очередь, попытался достать Волкова. Блеснуло лезвие широкого армейского ножа.

Ого!

Острый клинок пропорол куртку и холодной, острой болью скользнул по ребрам. Волков чудом извернулся, чуть не упал, поскользнувшись. Возле самого лица просвистели кастеты

крепыша, решившего внести и свою лепту. Но Ким вовремя оказался рядом, его фигура засломила припавшего на колено Егора. Звонко стукнулось железо о железо, серебристой рыбкой мелькнула тонфа. На снег брызнуло красным.

Запоздало и совсем не к месту Егора накрыло прозрачным маревом. Это Ремезов зачем-то накиннул на него защитный кокон.

Что он делает? Еще боя толком не было, а он расходует силы!

Волков спешно вскочил на ноги.

А сам-то хорош! Так подставиться! Но худой нож выхватил слишком неожиданно. Надо надеяться, что от испуга. И то ладно.

По левому боку разливалось тепло, одежда неприятно липла к телу. Да и черт с ним, царапина!

– Егор! – рывкнул кореец, на которого наседали двое.

«Радио» переместилась чуть ближе к Костику. Волков успел заметить это, прежде чем вновь ввязался в бой.

Вновь удар, блок, отскок. Они пытались рассеять защиту вельзы. Старались увести тощего от крепыша. Но момент был потерян, противники поняли намерения мистириан. Бой превращался в шахматный пат, когда ни одна из сторон не могла добиться результата.

Пора вводить новый фактор.

И словно все участники Поединка почувствовали этот момент. Картина резко изменила палитру.

Ордалианин, будто получив хороший заряд, яростно бросился на корейца. Его пудовые кулачища паровыми молотами обрушивались на хрупкую фигуру мистирианина. Вбивали, вколачивали, громили. Егор еле успел отскочить с дороги отступающего Кима, оказался нос к носу с худым. Тот походил на взъерошенную ворону, побитую и изрядно ошипанную. Изможденное лицо, круги под глазами, блестящие капли слюны на обвивающем шею шарфе. Бой давался ему тяжело, но рано было говорить о победе.

Из горла худого, выталкиваемые прыгающим кадыком, понеслись слова. Тягучий слог неизвестной молитвы задрожал, вибрируя, в морозном воздухе. На миг показалось, что за спиной вельзы поднимается алый рассвет.

Егор успел лишь сдавленно вскрикнуть, когда обжигающая волна пламени поглотила его фигуру.

Ремезов со своим коконом успел в последний момент. Жар опрокинул Волкова на спину, в клубы исходящего паром снега. Перед глазами плясали огненные протуберанцы, волосы и одежда буквально затрепали от температуры. Вызванный вельзы огонь чудом не испепелил его, весь удар принял на себя сотворенный Костином щит.

И тут же воздух разорвал гортанный крик корейца. Егор почти поднялся, когда по земле словно ударили гигантским кулаком. Почва ушла из-под ног, в точке удара земля рваными комьями полетела в стороны, оставляя неглубокую воронку.

Крепыш и худой повалились на землю, отчаянно барахтаясь и силясь встать.

Волков и кореец почти одновременно рванули к ним, словно псы с цепи.

Добить! Надо успеть добить!

Навстречу бегущему Егору поднимался ощерившийся разбитым ртом худой, выставляя впереди себя нож. Он чуть-чуть не успевал, Егор видел это.

Слова, сорвавшиеся с языка стоящего на колене коренастого религера, были односложны и невыразительны. Древний язык, простые формы. Но для многих религеров именно эти звуки молитвы становились последними.

Сильнейшая боль взорвалась внутри головы. В глазах потемнело, ноги подкосились, желудок подкатил к горлу. Егора шатнуло в сторону. Плывущим сознанием он еще смог уследить, что кореец все же успел добежать и теперь дубинкой лупит по голове крепыша. Тонфа с

металлическим звуком отлетает от черепа ордалианина, срывая кожу, но тот лишь улыбается, произнося и произнося молитву.

Запоздало возник защитный кокон, он чуть ослабил боль и позволил отбить атаку худого. Тот махал ножом неумело, тяжело. Было заметно, что работать тяжелым клинком для вельзы непривычно.

Чем ты тренировался, дружище? Картофелечисткой?

Волков изловчился, схватил худого за болтающийся конец длинного шарфа. Ну надо же, даже узел как на удавке!

Рванул, ударил носком ботинка в колено. Опять рванул, блокируя суетливую отмашку ножом. Потянул на себя, отступая назад. Дернул что есть мочи!

Боль в голове резко пропала. Значит, Киму удалось сладить со своим противником. Что ж, дело за малым.

Худой полетел вперед лицом, тщетно пытаясь освободиться. Шарф затянулся на тощей шее, врезался в бледную кожу. Лицо вельзы побагровело, он буквально на коленях полз за Егором, позабыв про оброненный нож.

Волков уже было нацелился победно вогнать каблук в нос задыхающемуся противнику, как вдруг краем глаза увидел в стороне что-то странное. Резко повернулся.

Крепыш лежал ничком, разбросав руки в стороны. Его голова представляла собой сплошное кровавое месиво. За ним виднелось то, что осталось от Ремезова, но большая часть тела оказалась разбросанной дымящимися ошметками по краю пустыря. Судя по всему, «радио» выплеснула на него всю свою накопившуюся энергию.

Рядом – Ким, добивал ногами корчащуюся на земле женщину. Из его плеча и бока торчали две длинные спицы. Лицо залито кровью, неестественно вывернутая правая рука беспомощно болталась вдоль тела.

В голове всплыли слова Сухнова: «Будьте жестче. Они должны видеть всю решимость мистириан».

Поединки только подросткам видятся романтичными и благородными. Про них красочно показывают в художественных фильмах про религеров, с упоением рассказывают друг другу мечтательные школьники. Но на самом деле, в поножовщине нет романтики. Настоящий бой никогда не бывает красивым и честным. Тем более, если нужно проявить жестокость.

Кореец обернулся, почувствовав взгляд Егора. Лицо Кима как обычно было беспристрастным и спокойным, но в глазах светилось такое животное безумие, от которого по спине Волкова пробежал холодок.

Тогда Егор повернулся к вцепившемуся в шарф противнику, наступил тому на грудь, припечатывая к земле. Щелчком извлек выкидное лезвие ножа, наклонился и, не думая, полоснул того по худой шее.

Пока вельзы булькал в собственной крови, зажимая рану руками, Волкова тошнило в сторону.

Поединок закончился. Судьи сдержанно поздравляли победителей. Ким произнес короткую речь, подготовленную заранее. После чего все участники разъехались, забрав павших.

А перед взглядом Егорова все маячила худая фигура, распахнутые в ужасе и мольбе глаза с длинными ресницами.

Каково же было удивление Егора, когда спустя месяцы он узнал, что худой вельзы выжил. Что, пройдя через клиническую смерть, пришел в сознание.

Удивляясь собственному порыву, Волков узнал адрес больницы, в которой лежал его первый враг. И в, один из дней, возник на пороге бывшего религера ныне не существующей секты вельзы.

Лишившегося Искры после тяжелого ранения.

Так Волков познакомился с Романом Ильиным...

Глава 5

«– Разнообразие путей и средств, ведущих к просвещению, всегда на пользу человеку. Но нельзя утверждать, что абсолютно любая религия ведет к просвещению».

Из письма ордалийских Старших в Министерство Образования, 2001 год

Звонок Иванова застал Егора на полпути домой. Исполняющий обязанности, в свойственной ему безапелляционной манере, приказал Волкову немедленно приехать в резиденцию. Егор досадливо поморщился, но не стал возражать. И уже через несколько минут, расплатившись с очередным таксистом, вошел в гостиную, осеняя себя ритуальным знаменем.

В кресле, разложив на коленях ноутбук, сидела Таисия Соловьева, молодая Искра. Двадцать один год, обрела Дар в девятнадцать.

Соломенного цвета прямые волосы, чуть бледная кожа худого лица, не лишнего хрупкой, немного печальной, красоты. Прямой нос, крупные зеленые глаза, немного опущенные вниз уголки рта, что придавало образу вид утонченной грусти. Стройность фигуры подчеркивало приталенное платье цвета горького шоколада. Узкая ладонь поддерживает шелковый палантин, покрывающий острые плечи.

Недавно из Школы, Таисия номинально считалась религером, но обладала даром предвидения и потому не допускалась к Поединкам. Покойный Сухнов наставлял ее, помогал развивать способности. В перспективе, девушке отводилась роль Координатора одной из ячеек, но до тех пор она должна была набраться опыта. Ее Искра была еще очень слаба, способности нестабильны.

Говоря по чести, Соловьеву никто из матерых религеров не воспринимал всерьез. Не был исключением и Егор.

– Привет, Тая, – бросил он девушке, вешая на торчащий из стены крючок куртку.

Девушка, только сейчас заметившая появившегося мужчину, испуганно вздрогнула, поднимая большие глаза от экрана. Спешно отставила ноутбук на журнальный столик в порыве подняться для уважительного полупоклона.

– Здравствовать и тебе, брат...

– Сиди-сиди, – попытался остановить ее жестом Волков.

Но вбитые в Школе порядки и традиции взяли свое. Девушка все же поднялась, опустила в полупоклоне голову. Волосы соскользнули с плеч, легким занавесом закрывая лицо. Волков невольно залюбовался.

– Будь зрячей, – поспешно ответил он.

– Будь зрячим, – ответила девушка, и на этом традиционное приветствие закончилось.

Когда Таисия вновь заняла место в кресле, Егор спросил.

– Чего такая хмурая?

Девушка поправила палантин, ее глаза влажно блеснули.

– Кирилл умер, вот я и...

– Тая...

– Я знаю, что смерть это лишь переход в иной мир, – поспешно закивала Соловьева, опережая слова Волкова. – И я знаю, что не должна впадать в скорбь и уныние. Но мне все равно тяжело, мне не хватает его доброго слова и мудрого совета.

Одноглазый вздохнул. Он давно уже забыл, как нужно успокаивать и сопереживать. Забыл и, говоря по чести, не очень хотел вспоминать. Поэтому он присел перед девушкой на

корточки, накрыл своей, кажущейся огромной, ладонью ладоши девушки. Глядя в глаза, сказал:

– Тая, послушай. Кирилл был хорошим наставником и человеком, его уход огромная утрата для всех нас. Но он был религером, а значит, каждый миг был готов к подобному исходу. Как и каждый из нас. Когда-нибудь тебе предстоит стать Координатором, отправлять на Поединки своих братьев и сестер. И слабости человеческой души не должны одержать верх над задачами служения нашей вере. Это твоя плата за Дар, это твой тернистый путь к Истине. Поэтому отпусти тяжелые мысли, соберись и с новым упорством продолжай развивать и укреплять Искру. Мертвых не вернуть, а от силы твоего Дара будут зависеть живые.

Девушка поджала губы, но кивнула, соглашаясь со словами Волкова.

– Просто мне показалось, что все слишком быстро забыли его, – произнесла она полусшепотом.

– Жизнь продолжается, – Егор поднялся. – Мой тебе совет – не привязывайся ни к кому. Будет легче терять. А терять придется, для всех нас смерть лишь дело времени.

– Егор! – раздался сверху голос Иванова. Он вышел из рабочего кабинета и стоял у перил второго этажа. – Я тебя жду.

– Иду, – откликнулся Волков. Повернулся к Таисии, сказал. – Если что – обращайся. Я всегда помогу, подскажу.

Девушка вновь кивнула, быстрым движением вытерла глаза тыльной стороной ладони.

– Спасибо.

Волков ободряюще улыбнулся ей, пересек зал и стал подниматься по лестнице, скользя рукой по перилам.

Николай терпеливо выждал, пока Волков окажется рядом, жестом пригласив следовать за собой.

Рабочий кабинет Координатора был просторен и светел. Скошенный в одну сторону потолок мансарды, бледно-зеленые обои, насыщенно-темный дубовый паркет. При входе в глаза бросалась небольшая картина, висящая над письменным столом – одинокий человек, бесстрашно шагающий навстречу поднимающейся над горизонтом волне цунами. Серые, черные и темно-зеленые тона разгневанной стихии резко контрастировали с золотистой фигурой человека, он ярким пятном выделялся на темном фоне.

Картину нарисовал Сухнов, на ней он изобразил известный сюжет из Книги Истин, главной книги мистириан.

Два больших смотровых окна, небольшой телескоп. Изящные книжные полки, под завязку забитые книгами, из большинства торчат разноцветные закладки. Камин из красного кирпича, пара глубоких кресел, столик с курительной трубкой в бронзовом держателе. Банкетка со спинкой, резными ножками и бархатным покрытием.

Сухнов умел создавать вокруг себя уют и спокойствие. Впрочем, в последние дни он заметно хандрил. Даже забросил свое любимое рисование.

Иванов выглядел чужеродным в этом кабинете, как чертополох среди ромашек.

Исполняющий обязанности Координатора жестом отослал сухую и деловитую женщину в платке, которая расставляла на столе чайник и чашки. В резиденции служило несколько человек из числа доверенный прихожан, они почитали такую работу за честь, наводили чистоту, готовили, выполняли мелкие поручения. Незаметные, тихие, бессловесные.

Когда за служкой закрылась дверь, Иванов сел за стол, привычно поправляя полы своего серого пиджака.

– Присаживайся, Егор, – сухой, без интонации голос. Насколько нужно быть спокойным и самоуверенным, чтобы иметь такой голос?

Волков прошел к банкетке, опустился на мягкие подушки. Пытливо уставился единственным глазом на собеседника, постукивая пальцем по теплему дереву подлокотника.

– Егор, – Иванов словно пытался поймать Волкова в фокус, но его взгляд то и дело соскальзывал в сторону, будто прятался. Этот взгляд невозможно было поймать, в глаза этого серого человека нельзя было заглянуть, прочесть. – Как твои дела... с проблемой?

– С какой? – нахмурил брови Егор.

– С твоей, которая мешала служить Истине. Знаю, ты поборол своего внутреннего врага, но насколько долго?

Волков откинулся на спинку, нехорошо хмыкнул. Ответил, сдерживая раздражение:

– Николай, свои проблемы я решаю сам, либо же обращаюсь к Отцу нашему с просьбой дать сил и мудрости. В крайнем случае, иду за поддержкой к тем, кто может меня поддержать. Ты к ним не относишься.

Егор внимательно следил за реакцией Иванова. Но на сером лице не дрогнул ни один мускул. Лишь легкая тень сожаления промелькнула, сорвалась с опущенных уголков рта. Когда Николай заговорил, в его голосе звучала неподдельная озабоченность:

– Извини меня, Егор, если вдруг тебя обидел. Право, вопрос мой не содержал скрытого подтекста, а лишь выказывал мою заботу о своем брате по вере, – Иванов развел руками, – Но меня действительно беспокоит состояние одного из лучших религеров нашей ячейки. В последнее время мы с тобой несколько разошлись...

– Года два как, – вставил Волков, криво улыбаясь, – Коля, что ты от меня хочешь?

– Я также заметил, что ты несколько неверно общаешься с нашим молодым пополнением, – невозмутимо продолжил свою линию Иванов. – Я стал невольным свидетелем твоей беседы с Таей. Похвально желание помочь и успокоить раненную душу нашей сестры, но, как мне кажется, ты мог бы для этого использовать цитаты из Книги, примеры из жития святых.

– Наверное, – пожал плечами Волков.

– Мне кажется, что ты не сделал это по причине того, что сам уже не веришь и не следуешь нашим догматам.

Голос Иванова звучал все также ровно и монотонно, но в конце фразы в нем проявилась сталь.

Волков шумно вздохнул, выдохнул носом, сжав зубы. Но ответил в тон собеседнику, спокойно и сдержано:

– Я в порядке, Коля. Спасибо за заботу. Зачем позвал?

И удостоился взгляда холодных, бесцветных глаз Иванова. Изучающих. Просчитывающих. Судящих.

– Рад, что у тебя все в порядке, – тонкие, сухие пальцы исполняющего обязанности пробежали по лацкану пиджака, привычно отвлекая внимание собеседника. – Просто, как старший товарищ, я обязан следить за тем, чтобы скорби и искушения светской жизни ни коим образом не влияли на моих братьев по оружию.

Он сделал паузу, после которой сказал, сменив тему:

– У меня небольшое, но важное дело для тебя, Егор. Как тебе известно, в городе сейчас ведется активная работа по пересмотру позиций некоторых конфессий по отношению друг к другу. Вынужденное сосуществование ведет к вынужденным союзам, не всегда понятным и приятным нам, религерам на местах. Но мы видим лишь верхушку айсберга, нам неведомы помыслы и стратегия Старших. Именно их решения приведут нас к победе, поэтому мы не должны сомневаться в них, как не может сомневаться в Истине, единственно верной, открывающей нам глаза, ибо зрячи мы.

– Зрячи, – эхом повторил Егор, не понимая к чему клонит Николай.

Тем временем Иванов запустил руку в один из ящиков письменного стола и достал небольшой конверт из плотной бумаги светло коричневого цвета. Положил перед собой на стол, автоматически выравнивая уголки по отношению к краю столешницы.

– Старшим потребовалось, чтобы мы доставили этот конверт в резиденцию бланцев. Я хочу, чтобы конверт доставил лично ты.

– Я похож на посыльного?

– Егор, это письмо слишком важно, чтобы доверять его технике или почтальону.

– Ты знаешь что там?

– Знаю.

– И что?

– Кое-какие взаимные соглашения. Остальное – это информация не твоего уровня, Егор. Тебе доверено лишь отнести письмо бланцам.

Одноглазый покачал головой:

– Отправь Влада, он с ними на короткой ноге. У меня с их бойцами старые счеты, можем сцепиться.

– Я не желаю обсуждать с тобой свои решения, – отрезал Иванов. – Письмо нужно доставить не позднее завтрашнего дня.

Он замолчал, показывая, что вопрос закрыт.

«Специально гнобит или проверяет? – подумал Волков, задумчиво переводя взгляд то с Николая на конверт, то обратно, – Мда, как не задалось у нас с тобой сразу, так и сейчас мало что изменилось. Хрен с тобой, посмотрим кто кого».

Одним движением Егор встал, в два шага оказался у стола и легко подхватил конверт. Демонстративно осмотрел.

Плотный, внутри – несколько сложенных листов. Без оттисков, печатей и подписей.

– Это все? – спросил Волков.

– Да, все, – ответил Иванов, не поднимая головы. – До свидания. Береги себя. Будь зрячим.

– Будь зрячим, – кинул через плечо одноглазый, выходя из кабинета.

Настроение у него испортилось окончательно.

Глава 6

*«– Любая религия должна быть с кулаками.
– Вы пытаетесь сказать, что веру иной раз надо подтверждать силой?
– Нет, я говорю о том, что иной раз одной лишь веры бывает недостаточно».*
Ток-шоу «Две стороны», 1998 год

Старенький трамвай загрохотал, преодолевая поворот, лязгнул колodками, затрясся. Выровнялся, пошел ровнее, набирая скорость.

Железная гусеница, натужно тянущая слабо светящееся тело по ночным окраинам.

В пустом вагоне с тусклым, мигающим на перекрестках освещением, чуть заметно пахло горелой проводкой и пылью. Время от времени по ржавым ступеням поднимались тихие люди, садились на холодный пластик сидений, ехали до своих остановок. Потом также тихо уходили, растворяясь в темноте.

Последний на сегодня трамвай шел в депо. Недалеко от депо жил Волков.

Егор сегодня не стал вызывать такси. Не стал ловить попутку, не поехал на маршрутке. В последнее время ему становилось все тоскливее и тоскливее возвращаться в пустую квартиру, поэтому нужен был самый долгий маршрут.

Наверное, это все осень.

Волков привалился лбом к холодному стеклу и, сквозь собственное призрачное отражение, провожал взглядом проплывающий мимо город.

Город вырывался из темноты бледными слайдами освещенных остановок, город превратился в декорации нищего театра.

Мимо проплывали улицы. Также неторопливо проплывали в голове мысли.

Трамвай прогремел мимо ордалианского храма с высокими белоснежными стенами, призванными олицетворять непорочность и духовную чистоту. Стрельчатые готические окна с разноцветными витражами, кованые лики святых на углах. Похожие на широкие острия копий маковки с чуть вытянутой по диагонали буквой Г – символом веры – на вершине.

Символом ордалиан была виселица.

Ордалиане являлись, пожалуй, самой влиятельной и многочисленной конфессией в Городе. Свыше десяти крупных храмов и часовен, величественная резиденция в деловом центре, три Собора. Единственная конфессия, имеющая монастырь в черте города. Тысячи верующих, три десятка религеров.

А также хорошие связи в политике и бизнесе.

Как ни странно, от соблазна тотального доминирования над всеми остальными религиями, ордалиан удерживали они сами. Именно противостояние делало их весомыми в глазах верующих, именно наличие врагов развязывало руки и оправдывало многие политические поступки, уходящие корнями в криминал.

Ордалианские Старшие очень хорошо знали, что все империи разваливались без внешней угрозы. Их попросту раздирали изнутри.

Серьезным противовесом ордалианам выступали исилиты, извечные противники и соперники. Один из их храмов как раз находился ниже по улице, в паре остановок.

В отличие от ордалиан, исилиты не строили высоких зданий. Приземистые, похожие на пузатые бочонки изумрудного цвета, с узкими вертикальными прорезями вместо окон, исилитские храмы отличались от ордалианских как тяжелоатлет отличается от баскетболиста. Маковки

с венчающим их золотым диском складывались из разноцветных элементов, напоминали лоскутное одеяло.

В Городе исилиты занимали второе место по численности после ордалиан. Несколько тысяч верующих, примерно равное с ордалианами количество религеров. Амбиции на постройку крупнейшего в регионе Собора.

Трамвай тряхнуло, Волков стукнулся лбом о стекло. Поежился, кутаясь в куртку, поправил повязку на глазу. Мельком бросил взгляд на часы. Еще минут пятнадцать ехать.

Помимо ордалиан и исилитов территорию Города делили еще несколько крупных игроков. Не таких крупных, но, тем не менее, довольно успешных. Эти конфессии, представляли «вторые силы», наиболее активно участвовавшие в переделе сфер влияния. Если ордалиан и исилитов, в целом, устраивало собственное положение, то для «вторых» всегда всего было мало. Желание войти в число «первых» служило нескончаемым поводом для противостояний и, как следствие, конфликтов и Поединков.

К числу «вторых» относились бантийцы, религия далекого юга. Исповедующие многобожие, сопряженное со своеобразной барабанной музыкой и курением легких наркотиков, бантийцы нашли свою нишу среди неформальной прослойки Города, в которую, в последнее время, стало скатываться все больше молодежи. Храмов они не строили, для своих нужд использовали обычные частные дома, в которых оборудовали моленные залы и курильни.

Полной противоположностью барабанно-наркотической конфессии бантийцев являлась религия бланцы. Бланцы были вегетарианцами, верили в единую созидательную сущность, в «ткань судеб» и «паутину перерождений». Жрецы в ярких, нарядных одеждах проводили молебны шумно, источая позитив и безудержное веселье. Впрочем, за ширмой радости и праздности скрывалась серьезная организация, которая держала за горло бизнес «домов терпимости».

Трамвай скрипнул тормозными колодками, остановился возле остановки. Громохатая ботинками, в вагон влезло несколько человек старшего студенческого возраста – пять парней и две девушки. Раскрасневшиеся лица, громкий смех, у троих открытые пивные банки в руках. Один, не скрываясь, курит.

Волков наблюдал за ними в отражение стекла. Одного взгляда хватило, чтобы досадливо вздохнуть.

Спокойной поездки не получилось. Может, выйти на следующей остановке?

Или поддаться настроению и положиться на удачу?

Егор профессиональным взглядом оценил незваных попутчиков. Все примерно одного возраста, одного социального положения. Ребята на вид крепкие, девушки – не застенчивые. Смотрят нагло, ведут себя раскованно, движения широкие, размашистые, за приличиями в разговоре не следят.

Группа молодых недопесков, ворвавшаяся пошалить в курятник.

Хорошо еще, что кроме них и Волкова в вагоне больше никого нет. Не нужно будет думать за других в случае чего.

Егор отвел взгляд, вновь уставился за окно.

Ко «вторым силам» также относились амонарии, не так давно появившиеся в Городе. Поклоняющиеся богам со звериными головами, строящие храмы в виде пирамид, распространяющие дешевое золото с востока. С ними Егор встречался редко, по амонариям в основном работал Сухнов.

Были еще тифониты. Радикальное течение, вышедшее из ордалианской ереси. Очень спорная конфессия, сочетающая в себе поклонения так называемым «силам зла» и тягу к самосовершенствованию личности. Тут находили место и асоциальные типы и утонченные романтические натуры. Своим существованием тифониты стремились во всем быть противополож-

ностью ордалианам – вместо белого цвета храмов у них был черный, вместо виселицы стрела с ярко выраженным наконечником. И очень колоритные религеры.

К слову, сами ордалиане не считали тифонитов своими главными соперниками, несмотря на смелые заявления последних. «Черные Стрелы», как называли тифонитов в газетах, слишком мелко плавали, чтобы представлять серьезную опасность.

Мистириане, к которым относился Волков, также причислялись ко «вторым силам». Относительно молодая религия лишь набиралась сил, но довольно уверенно и твердо заявила о себе перед всеми остальными.

Вагон наполнился громким хохотом молодежи. Егор вновь перевел взгляд на их отражение, подмечая детали.

Раздухарились. Все чаще и чаще смотрят в его сторону, перебрасываясь остротами и шутками. Интересно, чьих будут? Ага, у одного из парней мелькнул крупный серебряный символ на шее – скрещенные кулаки, сжимающие лук. Значит, представитель боевого крыла конфессии свартов, мелкой языческой секты, популярной своими массовыми гуляниями с кострами и купанием голышом. Нынче пошла мода на седую древность и национальный колорит.

Также, у другого из парней одноглазый заметил на тыльной стороне ладони три шрама, словно оставленные когтями дикого животного. Еще одно новомодное веяние – ритуальное шрамирование. Это знак кого? Матери-рыси? Отца-медведя? Кто их разберет.

Сварты и еще множество других мелких сект-конфессий относились к «третьим силам». Каждую неделю приходили сводки о появившихся новых амбициозных течениях, но их догоняли известия о том, сколько таких исчезло за прошедший срок. Вспыхивали ярко, зачастую тут же и сгорали, иногда не насчитывали и двух десятков последователей. В основном являлись ублюдками от более сильных религий, иной раз отличаясь от них какой-нибудь принципиальной мелочью. Их обзывали ересью, сектами, но зачастую брали под крыло, лелеяли. Всегда лучше иметь контролируемого противника, чем неконтролируемого союзника.

Основателями подобных течений часто становились Искры, возмнившие себя новыми Мессиями. Иной раз, очень дерзкими и амбициозными. С такими разговор был короткий – их попросту давили непрекращающимися Поединками и другими санкциями, к примеру, запрещающими проповедовать в определенных районах Города. Потому те из сект, кто поумнее, предпочитали не орать о себе на всех углах сразу после образования, а ждали пока хотя бы двое-трое из прихожан не приобретут Дар. И вот тогда уже можно было искать себе место под солнцем. Тихо и не привлекая лишнего внимания.

А учитывая, что поток желающих организовать собственную веру и выдумать своего бога не иссякал, эти самые «третьи силы» становились разменной монетой в войне более крупных хищников.

Рядовые карты большой колоды, которые не считали за хорошую масть, но без них не сыграть удачной партии.

Как бы там ни было, яд религиозной войны давно выплеснулся на обычных людей. Прошли времена, когда горожане делились лишь на верующих и атеистов. Запутавшиеся в хитросплетениях обрядов и молитв, воспитанные телевизионными священниками, спорящие на досуге о преимуществах одной веры над другой, заваленные рекламными брошюрами и буклетами, обыватели уже не мыслили свою жизнь без подобной духовной жвачки, заполонившей все пространство словно нескончаемый популярный «мыльный» сериал.

В итоге, молодежь стала сколачиваться в банды по вере. Они по своему различали правду от лжи, кулаками решали вопросы богословия. Как когда-то ходили драться двор на двор, квартал на квартал, так теперь молодые ордалиане дрались с неверными исилитами, школьники-амонарии гоняли по двору мальчика-тифонита, а дети последователей бланца били стекла в квартирах сверстников-бантийцев.

Яростные, пылкие, не знающие сомнений и пощады. Ни разу не читавшие свои священные книги, путающиеся в деяниях святых и божественных заповедях.

Свое невежество они замазывали чужой кровью.

Представителей конфессий, несмотря на повсеместно декларируемое порицание подобных поступков, такое положение дел устраивало – подрастала достойная смена.

От группы подростков отделились двое. Держась за поручень раскачивающего вагона, они направились в сторону одноглазого.

Егор еще раз вздохнул, поднял воротник куртки и как бы невзначай сунул руки в карманы. Нашупал прохладные рукоятки сложенных ножей.

Пахнуло дешевым пивом, когда двое парней остановились рядом. Один высокий, широкоплечий. Со сбитыми кулаками. Второй – жилистый, с узким лицом и брезгливо поднятой верхней губой. У обоих во взгляде неприкрытый вызов.

Пальцы с желтыми от никотина ногтями бестактно ткнули Волкова в плечо и он решил больше не притворяться безучастным.

– Вам чего, мальчики? – оскалился он, поворачиваясь к парням.

– Мальчики? – взвился жилистый, но его перебил голос крепкого.

– Ты в какого бога веруешь, дядя?

За стеклом водительской двери мелькнуло и отпрянуло испуганное лицо спрятавшейся кондукторши.

– Я, мальчики, в Азбуку верю.

– В кого? – вновь встрял жилистый, выглядывая из-за плеча товарища.

Оставшаяся в стороне группка замерла, развлекаясь представлением.

– В Азбуку, Теорию Эволюции и животворящую оглоблю, – Егор снизу вверх посмотрел в глаза парня. – Тебя Селезень не учил быть уважительным к старшим?

– Кто?

– Вы, мальчики, давно в свартах? Что ж, не знаете своего Старшего? Ай-ай, позабыли лицо Отца!

Волков деланно сокрушился. В его голове, как в картотеке, нашлась и раскрылась вся информация по неоязычникам Сварта-Солнце – кто руководить, основные каноны и характерные черты.

Работа обязывала знать подобные вещи.

– Ты чего такой борзый, м? – неуверенно выкрикнул из-за плеча здоровяка менее крепкий юноша. – За такие слова знаешь что бывает?

– Любите Отца своего, потому как свет он вам, – продекламировал Егор, поднимаясь с места. Кажется, даже вагон стал грохотать тише, внемля словам одноглазого. – И друзей любите, и будьте мирными между родами.

– Так ты чего, дядя, свой что ли? – опешил крепыш.

Буквально секунду Волков думал, разглядывая шайку свартов. Уважить ребят или не стоит?

К чему сантименты? Не оставлять же молодежь без ожидаемой драки!

– Нет, мальчики, – наконец ответил Егор. – Я все же за эволюцию. И, чего уж там, Отец ваш, этот Селезень, придурок тот еще.

– Сука! – взвизгнул жилистый.

Его друг резко, без замаха ударил одноглазого в лицо.

Точнее, попытался это сделать.

Не успел кулак крепыша проделать и половину пути, как растопыренная пятерня Егора уже врезалась ему в пах. Волков всем телом толкнул сгибающегося парня в сторону его товарища. Вдогонку пнул ногой.

На помощь неудачливым друзьям бросилась остальная мужская часть компании. Подбадриваемые хриплыми голосами девушек, они вступили в неравную схватку.

В узком проходе вагона разъяренной молодежи было негде развернуться, им никак не удавалось взять в клещи занявшего выгодную позицию Егора. А Волков короткими, точными, но не слишком сильными ударами, разил больно и обидно.

Мимо пролетела пивная банка, ударилась о стекло, из нее вырвался фонтан брызг и пены.

Волкова забавляла потасовка. После страшных Поединков вся эта возня казалась детской забавой, легким спаррингом. Он мог бы давно закончить эту возню, но азарт взял верх.

Удар, уход назад. Один из парней бросился прямо через сиденья, помогая себе руками. Егор ухватил его занесенную ногу, протянул на себя, отчего несчастный застрял среди двух пластиковых спинок. Второй, с кастетом, рубанул сверху кулаком. Отлично! Волков поймал руку, прокрутил по инерции дальше. Парень сам себя ударил железякой по колену. Неаккуратный.

Визжат и матерятся девушки, орут и матерятся юноши. Двое уже выбыли из строя, охают между сиденьями. Один трясет головой, уткнувшись спиной в двери. На полу валяются нож, шило и кастет.

Обезоружил, проучил. Развлекся.

Трамвай резко затормозил, отчего Егора бросило на последних двух парней. Пропустив удачный, но не сильный удар в подбородок, Волков дважды пнул одного в голень, второму отвесил звонкую пощечину, от которой у противника хлынули слезы. Чуть подсел, толкнул плечом, зацепил ногу. Потерявшие равновесие юные язычники пошатнулись, сбились, в панике ретировались в дальний конец вагона, к открывшейся двери.

В которую уже поднимались угрюмые мужчины в серой полицейской форме. Их встретила испуганная контролерша.

– Уважаемые, – пробасил один из блюстителей порядка, хватая ближайшего парня. – Хулиганим? Придется проехать в отделение.

– Я религер, – отозвался Волков, одергивая куртку. – Давайте я вам визитку покажу...

– Давайте без давайте, – пресек его жестом второй полицейский, устало постукивая дубинкой по ладони. – Проедемте с нами, а там Доминион разберется кто вы и откуда. А то много вас развелось таких.

Егор кинул взгляд на припаркованный у дверей трамвая полицейский внедорожник, досадливо чертыхнулся. Но послушно пошел на выход.

Со светской властью религерам конфликтовать запрещалось.

Глава 7

«– Богу больно смотреть на то, как вы заменяете свою жизнь иллюзией»

Уличный проповедник гностициан

Служителей Доминиона, в просторечье Законников, было двое. Один постарше, небрежно одетый мужчина за пятьдесят. Полы старого, мятого пиджака раздвигало внушительное пивное брюшко, на нем же лежал, оттеняя синевой несвежую рубашку, галстук. Законник поблескивал большими очками, венчик седых волос над ушами светился в свете настенной лампы.

Второй помладше, в растянутом пуловере сиреневого цвета и пыльных туфлях. Усталое лицо, морщинистый лоб и высокие залысины. Выражение его лица транслировало миру вселенскую душевную скорбь.

– Здравствуй, Егор, – остановился он напротив Волкова. – Опять начудил?

– Здравствуй, Леша, – одноглазый поднялся со скамейки, стоящей у стенки коридора полицейского участка. – Чего такой смурной?

Законник лишь отмахнулся.

Подошел его напарник, без интереса оглядел Волкова. Покрутил в толстых пальцах визитку, выжидающе поднял глаза. Егор вытащил за цепочку висевший на шее знак веры.

Старший Законник наклонил голову к товарищу:

– Знаешь его?

– Знаю, – ответил грустный Леша.

– Мистерианин? – теперь вопрос адресовался Егору.

– Угу, – промычал Волков. – Пусть ножи вернут. И конверт.

На улице моросил мелкий дождь, вываливаясь откуда-то из черных ночных вершин. Одиноким фонарь освещал мокрые ступени РОВД, небольшой плац перед зданием, будку постового у въездных ворот. Возле шлагбаума, неуклюже заехав одним колесом на тротуар, припарковалась приземистая машина с зубастым радиатором.

Егор задержался на крыльце, рассовывая по карманам конфискованную мелочевку. Седой доминионец, потерявший интерес к Волкову сразу после вызволения того из полицейского участка, шумно высморкался, поднял воротник и заторопился в сторону машины, топая по лужам. Законник Леша тоскливо посмотрел в невидимое небо, протяжно зевнул.

– Леша, у тебя авитаминоз? – Волков щелчком выбил из пачки сигарету, предложил служителю Доминиона. – Ты чего угрюмый такой?

Леша не отказался от предложения, прикурил от мечущегося огонька зажигали.

– День тяжелый, – наконец ответил он. – Да еще и ты с этими школьниками сцепился. Чего ты к ним полез-то?

– Да вот хрен знает, Леша, – Волков затянулся, его лицо осветил темно-бордовый огонек сигареты. – Не могу пройти мимо страждущих.

– А они страдали?

– Еще как!

– Ну, тогда ладно.

Молча затянулись, выпустили дым.

– Что-то напарник у тебя нелюдимый, – Егор кивнул в сторону машины.

– Ордалианин, – отмахнулся Леша. – Пьет как грузчик, потом болеет несколько дней.

– А где люцианин?

– Ты про Филю? Так все, спекся Филя, – Законник перехватил сигарету ближе к фильтру. – Их последнюю Искру на Поединке грохнули, не помню уж кто именно. По Правилам они должны были паству распустить, храмы и резиденцию оставить. Но сам знаешь, как бывает – все люди как люди, но как обычно нашелся один люцианский священник, который отказался свой приход оставлять. Мол, вера это не приз в игре, что верующим не обязательно лицезреть чудеса, чтобы верить в Бога. Короче, обычная история. Мы выехали упразднить сие непотребство. Ну и Филя увязался.

Леша замолчал, бросил окуроч в урну, зябко поежился. Продолжил, глядя в сторону:

– Там мы его и положили. Когда из церкви народ начали выкидывать, у него что-то и переклинило. Схватился за ствол, принялся палить в наших. Двоих ранил, одного наглухо. Пришлось его...

Вновь замолчал, но через секунду добавил, кивнув сам себе:

– Но жаль, конечно. Хороший мужик был.

Волков сочувствующе посмотрел на Законника, спросил:

– Слушай, Леш, а ты сам-то давно уже под Доминионом ходишь?

– Да как тогда, пять лет назад, в аварию попал, так Искра и ушла. Клиническая смерть, почти три минуты. Какой из меня религер без Дара? Старшие предложили идти в Законники. Там как раз наш представитель застрелился. Рыжков, помнишь такого?

– Нет, не помню.

– Так с тех пор тут и торчу, – не стал заострять тему Леша. – Шестой год уже.

– Надоело?

– Нормально, – протянул Законник. – Еще бы не уроды всякие, так вообще проблем не было. Прикинь, только за неделю два зафиксированных применения Дара. В каждом случае по труп, но никто победу не заявляет.

Егор задумчиво выпятил губу, переспросил:

– Два Поединка с проигравшими, но без победителя?

– Ну да.

– А это точно Поединки?

– Похоже на то, – Леша вдруг кинул быстрый взгляд в сторону машины, будто ордалианин мог их услышать. Понизив голос, сказал. – В одном случае вроде бы видели Калину.

Волков криво ухмыльнулся. Что-то частенько в последнее время это имя всплывать стало.

– Что-нибудь слышно по смерти Сухнова? – спросил он.

Законник покачал головой.

– Если честно, некогда нам этим заниматься. Официально признали самоубийство.

– Леша, ты же знал Кирилла!

– Это было давно, Егор. У меня от того времени осталась лишь способность ощущать места, на которых Дар использовали.

– Как и у всех Законников, – вставил Волков.

– Вот именно, что как у всех Законников, – кивнул Леша. – Только вот я помню, откуда я в Доминионе. А вы, кажется, обо мне забыли. Обо мне, о Ваське, о Близнеце. Я давно уже не ощущаю себя частью мистириан, Егор. Мы все как инвалиды, способные лишь вспоминать о былых силах и возможностях.

Волков хотел было возразить, но из оттопыренного кармана Законника затренькала нехитрая мелодия. Тот пальцами выудил из внутреннего кармана мобильный, ответил:

– Аллю.

Ему в ухо коротко буркнули и служитель Доминиона посмотрел в сторону машину, кивнул. Убрал сотовый, сказал Егору:

– Напарник устал ждать. Поехали. Давай тебя домой довезу. Тебя куда подкинуть?

– До переулка Шмидта. У меня там квартира, – соврал Волков. Не в его привычках было светить свой адрес посторонним.

– Идем, – Леша жестом указал идти за собой, легко сбежал по ступеням вниз. Стараясь не отставать, за ним последовал Волков.

Через минуту машина Доминиона тяжело вырулила на проезжую часть и покатила в сторону окраины, шурша шинами по мокрому асфальту.

Привычно петляя по темным дворам, Волков добирался домой. Законники, как и обещали, высадили его в узком переулке, от которого до дома Егора было еще три остановки. На всякий случай, одноглазый забрел в первый попавшийся подъезд, немного постоял во влажном сумраке и, убедившись, что никто за ним не следит, пошагал в нужную сторону. Специально выбирая наиболее мрачные, неосвещенные тропинки, тенью скользил вдоль домов, палисадников, кустов сирени. В темноте было безопаснее всего – желающие легкой наживы все же предпочитали выслеживать своих жертв там, где хотя бы могли их увидеть.

Прошлепав по луже, Волков остановился, прислушиваясь. Шелест листьев на ветру, звонкий стук капель из водопроводной трубы, далекие гудки проезжающих машин.

Можно идти дальше.

Показалась знакомая вышка заброшенной водокачки. Старое здание с флигелем, обнесенное покосившимся забором, примыкало к гаражам напротив его дома. Если пройти дальше, то можно увидеть развалившиеся корпуса пустующей фабрики царской постройки.

Здесь нужно быть особенно осторожным. Всегда был шанс нарваться на кого-то именно у дома, когда почти дошел и расслабился.

В глубине неосвещенного двора, привалившись к резным перилам старой беседки, стоял человек с накиннутым на голову капюшоном. Наметанный глаз Егора сразу вычленил эту фигуру из общего пейзажа, в голове промелькнули варианты возможных действий. Выбрав самый оптимальный, Волков ускорил шаг, сошел с мостовой на сырую землю двора и широким шагом, не таясь, направился к беседке.

Незнакомец в капюшоне понял, что его заметили, но лишь выступил вперед, не делая попыток скрыться.

Когда до него оставалось несколько шагов, и привыкший к темноте глаз Волкова уже начал различать детали, человек откинул капюшон, оголив коротко стриженую голову, произнес:

– Будь зрячим, Феникс.

– Будь зрячим, Феликс, – в тон ему ответил Волков, сдержав циничный комментарий. С этим человек нужно было себя вести по-особенному. – Позволю предположить, что ты тут не просто так мокнешь?

Человек, названный Феликсом, подался вперед, его лицо осветили отблески уличного фонаря.

Грубые, рубленые черты лица, сжатые челюсти, насупленные брови. Но ярче всего выделялись глаза – горящие изнутри, чистые, не знающие сомнений. Глаза человека, свято верящего в то, что он делал.

Глаза фанатика.

– Ты как всегда прав, Феникс, – уважительно кивнул Феликс. – Я читал перед сном Книгу Истин, проникаясь мудростью Отца. Но в какой-то момент я вдруг осознал, что недостаточно понимаю, недостаточно чувствую смысл священных слов. Ты говорил, что вера в сердце сама подскажет нужное толкование. Но их слишком много в моей голове, я боюсь выбрать неверное!

Последние слова Феликс буквально выкрикнул, а глаза вспыхнули неподдельным страхом.

Егор успокаивающе положил руку на плечо собеседника, почувствовал, как того трясет.

– Скажи, почему ты не пошел с этим вопросом в Храм? Учитель Богдан очень доброжелательно и доступно поясняет все вопросы, касающиеся нашей веры. Почему пришел ко мне?

Феликс сокрушенно покачал головой:

– Учитель Богдан хороший наставник и пастырь, но я не вижу в остальных людях, входящих в Храм, огня веры. Мне кажется, что они лгут. Когда я стою в их окружении, я вижу, что они безразличны к символу Истины, что они отвлеченно болтают во время молитвы, смеются, ожидая своей очереди к мощам Отца. Во мне вскипает праведный гнев, когда я понимаю, что эти люди не делают разницы между нашей верой и ересью других религий! Мне хочется вышвырнуть их из Храма, покарать за такое вольное отношение к святыням! Так нельзя верить, так можно лишь делать вид! А учитель Богдан слишком мягок к ним, он уверен, что его слова падают на благодатную почву. Он сеет семена Истины в пустыне!

Пока Феликс изливало душу, Волков размышлял, что же ему ответить. Что быть религиозным стало модно? Что верить и знать во что именно веришь – это не одно и то же? Что большинству прихожан попросту промыли мозги умелые проповедники и специализированные телепередачи?

Сказать, в конце концов, что учитель Богдан все это знает, но вынужден привечать любого, желающего стать мистирианином, ради увеличения числа верующих?

– Позволь объяснить тебе простую вещь, – наконец начал отвечать Волков. – Во всех церквях и храмах, во всех религиях есть два типа верующих – это прихожане и захожане. Прихожане – это мы с тобой, исполняющие все заповеди, живущие по законам Книги, по вере, по учениям Отца и Старших. Для нас храмы и церкви – душевные обители, учителя – духовные наставники. Лишь там свет Истины нисходит на нас, освещая нашу жизнь.

Феликс не перебивал, слушал очень внимательно. Егор продолжил:

– Но также есть и захожане. Это те, кто еще не познал в полной мере все величие и благодать мистирианства. Они все еще блуждают во тьме, осеняют себя ритуальным знаменем, но не знают заповедей, едят мясо во времена церковных праздников, путают деяния святых и даже не в полной мере верят в Истину и Отца.

Прежде, чем Феликс взорвался гневной тирадой, одноглазый поспешно вставил:

– Но они – такие же дети нашего Отца, заблудшие и потерявшиеся. Рано или поздно они уверуют. И будут благочестивыми прихожанами, как мы с тобой. Потому найди в себе силы пожалеть их, не корить и не гнать проч.

Волков замолчал, наблюдая за реакцией собеседника. По грубым чертам лица сложно было понять, что сейчас думает Феликс, но стыдливо опущенная голова была более чем красноречивой.

– Я понял, Феникс, спасибо. Мне стыдно за свои слова и мысли.

– Будь зрячим, друг мой, правда откроется сама. А что же касается верного толкования Книги Истин, то я могу ответить так – Книга каждый раз говорит с нами о том, что нам нужно в данный момент. И одни и те же тексты могут звучать по-разному в грусти или в радости, каждый раз давая нужные ответы. Поэтому для верного толкования Книги загляни в себя, Истина там.

Феликс вдруг схватил ладонь Волкова, крепко сжал ее в своих руках. Горячо зашептал:

– Спасибо, мой учитель, спасибо. Извини, что в этот поздний час отвлек тебя. Могу ли я чем-то загладить свою вину?

– Ты ни чем не провинился, Феликс, – успокоил собеседника Егор. – Но не пропадай, ты мне понадобишься вскоре. А пока ступай, я позвоню. Будь зрячим.

– Будь зрячим. Еще раз спасибо, – Феликс отпустил руку, отступил назад, накинул капюшон и быстрой походкой скрылся в темноте.

Волков провожал его фигуру взглядом до тех пор, пока она не растаяла на фоне чернеющих деревьев. Вздыхнул, вытирая влажный от мороси лоб.

С каждым приходилось разговаривать на понятном ему языке. Иногда приходилось говорить то, что хотели услышать. Особенно это касалось нужных людей.

Именно таким нужным человеком был Феликс Гош, личный боевик Волкова, готовый абсолютно на все.

Именно этого человека Роман Ильин называл «личным фанатиком» Егора. Фанатиком и убийцей.

Ключ на длинной ножке привычно вошел в замочную скважину и трижды щелкнул засовом. Металлическая дверь отворилась, пропуская хозяина внутрь. Пальцы уткнулись в выключатель, бледный свет слабенькой лампы проявил прихожую.

Волков закрыл входную дверь, накинул стальную цепочку. Бросил ключи на потертую глянецовую поверхность невысокого трюмо. Привалился плечом о прохладную стену, устало вздохнул.

Он ненавидел эту квартиру. Но только тут он мог быть самим собой.

Скинул ботинки, прошел в гостиную, минуя санузел и кухню.

Шифоньер с раздвижными дверьми, рабочий стол, заваленный мелким канцелярским хламом, тусклый монитор компьютера. Книжный шкаф с серьезными корешками солидных книг, журнальный столик с темным кругом от горячей чашки, продавленное кресло перед телевизором. На единственном стуле – мятая одежда «в стирку».

Все на своих местах. Даже предусмотрительно оставленная на двери в кухню сигарета – не скинута, не смещена. Есть шанс, что гостей не было.

С каждым шагом плечи Егора опускались все ниже и ниже, шаги становились медленнее и тяжелее. Наконец, он и вовсе остановился, переводя дух.

Устало не тело. Устало сердце.

Заставил себя переодеться в домашнее. Заставил себя поставить чайник и разогреть позавчерашний ужин. Заставил себя поесть, практически не ощущая вкуса.

Искра превратилась в обычного мужчину, сторбленного над тарелкой макарон. Одинокого, немолодого.

Свет из кухни желтым прямоугольником ложился на пол темной гостиной. Он почти дотягивался до еще одной комнаты в квартире Волкова. До комнаты, в которую дверь была наглухо заперта.

До комнаты, перед которой стояла покрытая густым слоем пыли непочатая бутылка водки.

А потом пришел тревожный сон, который когда-то был явью.

Золотые нити медленно извивались, исходили, превращались в стремящийся вверх дым. Обволакивали своды массивной каменной арки, сверкающими облаками возносясь под крышу храма.

Нити исходили из тела. Из грязного, вонючего тела. Смердящего, дрожащего, жалкого тела. Липкий пот покрывал грязную кожу, исторгаемый легкими воздух пропитался парами спиртного, запахом табака.

Вместе с этим смрадом наружу вырывались слова молитвы, неловкие, неумелые, нарушающие все каноны обращения к Богу. Из темных, проваленных глаз лились слезы, капали с подбородка на кончик ножа.

Нож направлен в сердце. Стальное жало проткнуло тонкую ткань футболки, продавило, но пока не пробило податливую кожу.

Нож сжимали руки молящегося.

Золотые нити исходили из человека как пар от земли на рассвете. Они незримые, бесплотные. Их видел только человек с ножом. Он видел их, но не мог понять реальны ли они

или лишь плод галлюцинации. В организме слишком много всего намешано. Особенно боли, тоски и отчаяния.

К нему бежали люди в одеянии священников. Они что-то кричали, махали руками. Их лица – смазанные пятна, голоса – звон в ушах.

Слова молитвы путались, голос слабел.

Слезы прекратились.

Золотые облака замерли в вышине.

Глаза закрылись.

Нож на удивление легко проникает в грудь, холодной льдинкой ныряет в агонизирующее сердце. Короткий хрип и падение.

Тьма. Пустота. Безмолвие. Смерть.

Впервые...

Глава 8

*«Между нами разница лишь в том, что вы читите пастыря стада,
а мы – ту силу, что свела их вместе»
Ток-шоу «Две стороны», 1998 год*

Егор плавным движением руля направил машину сквозь недовольно гудящий поток к обочине, свернул на широкую стоянку. Массивный внедорожник втерся между дорогими автомобилями представительского класса, по-хамски свернув одной из них боковое зеркало. Волков заглушил двигатель, затушил сигарету в пепельнице. Огляделся, снимая со спинки пассажирского кресла пиджак.

Он всегда с иронией относился к любви Старших к дорогой жизни, в частности к большому авто.

Автопарк мистириан ни чем не уступал автопарку иных крупных конфессий, также не отличался скромностью и дешевизной. Несколько относительно недорогих автомобилей служили для выезда верхушки в удаленные провинции, дабы не раздражать народ излишней роскошью. Для ежедневных поездок назначались машины повышенной комфортности, заставляющие относиться к себе уважительно на дороге. Для особенных, официальных, поездок выбирались автомобили штучной сборки, с усиленными системами безопасности, призванные поражать и восхищать.

Ячейке религеров принадлежало несколько машин – два огромных внедорожника, неброский «универсал» и один микроавтобус.

В отличие от большинства своих товарищей, Егор предпочитал передвигаться самостоятельно, пешком или на такси. Но иногда приходилось соблюдать официоз, в такие дни он любил «убивать» один из монструозных джипов. Благо внедорожники попались крепкие и «развалу по-волковски» упорно противились.

День с утра задался, наконец-то моросящий дождь сменился серой, но сухой хмарью. Изредка налетающий ветер моментами даже казался теплым, трепал волосы и край галстука.

Егор надел пиджак, во внутренний карман положил немного потрепанный конверт с письмом. Привычно огляделся. Поставил машину на сигнализацию и неторопливым шагом направился через стоянку.

По другую сторону асфальтированной площадки возвышалось пузатое, похожее на боченок здание. Из белоснежного пластика, с большими зеркальными окнами, с желтыми и оранжевыми флагами, извивающимися подобно змеям на длинных флагштоках – центральный Храм бланцев являлся также и главной резиденцией конфессии в Городе. Из невидимых динамиков лилась ритмичная восточная музыка, прерываемая хоровым воззванием «Блаа-анца!», радостно разносящимся многоголосым эхом над улицей.

В Храме шла полуденная служба.

Волкова обогнали три девушки, одетые в ярко-рыжие сари. Они торопливо натягивали на головы золотистые косынки, позвякивая бамбуковыми браслетами. До слуха одноглазого донесся веселый смех и взволнованные голоса.

Девушки свернули на тротуар, прошли мимо цветника к главному входу – высоким распахнутым воротам, покрытым яркой хитроумной росписью. Было видно, как внутри кружат хороводы, поют, притопывая, осыпают друг друга лепестками и цветными полосками бумаги.

Бланцы предлагали в пик серым будням вечный праздник имени своего бога. Многие обыватели с удовольствием натягивали яркие одежды и пели веселые гимны, улыбаясь и веселясь. Дым из специальных курилен способствовал общему веселью – легкие наркотики в целях

исполнения ритуала Правительство разрешило. Иначе это являлось бы ущемлением прав верующих.

Волков прошел мимо центрального входа, по узкой тропинке, проложенной среди ухоженных кустов, уперся в неприметную дверь с домофоном. Вдавил пальцем кнопку.

Ответили сразу:

– Доброго дня. Назовите себя и цель вашего визита.

– Почтальон Печкин, принес посылку для вашего мальчика, – доверительно отозвался Волков.

После секундного замешательства из домофона повторили:

– Не совсем понятно. Кто вы и к кому пришли?

– Передай старшему, что пришел злой одноглазый дядя, принес из мира боли и ненависти послание. Да побыстрее, я долго ждать не стану.

На другом конце глубокомысленно промолчали, повесили трубку. Волков отступил чуть назад, отмечая направленные на свою персону зрачки камер наблюдения. Демонстративно закурил, хищно сжимая фильтр в зубах.

Когда сигарета была выкурена больше, чем наполовину, замок звонко щелкнул, дверь распахнулась. На Егора уставился огромный бритый громила в аккуратном сером костюме. Под левой подмышкой, сквозь ткань, явственно выпирала рукоять пистолета.

– Следуйте за мной, уважаемый, – пробасил он, жестом приглашая войти.

Волков удовлетворенно кивнул, под возмущенным взглядом охранника выбросил в цветник окурок, привычным, незаметным движением проверил положение ножей в карманах. Широко улыбнувшись, переступил через порог.

В отличие от показных яркости и веселости, царящей в общих залах Храма, здесь доминировали строгость и умеренность. Никаких кричащих расцветок, никаких дымящихся кальянов, никаких прыгающих и поющих людей. Спокойного цвета стенные панели, прохладное освещение, тихо работающие кондиционеры.

За Волковым закрылась дверь и он подобрался, осматриваясь. Ему никогда не приходилось бывать в резиденции бланцев, да, собственно, не очень и хотелось.

Он стоял в довольно просторном холле, из которого наверх уходила покрытая красным ковром лестница с дорогими резными перилами. По левую руку располагалась еще одна дверь из молочного цвета стекла. Как только Егор вошел, из-за нее вышла девушка в длинном платье свободного кроя, за ней – пожилой мужчина в светло-бежевом халате.

Охранник учтиво опустил голову, шагнул назад. Девушка с таинственной улыбкой пропустила старика вперед, тот степенно подошел к Егору. Голос его силен и властен:

– Доброй вам жизни, молодой человек. Вы что-то имеете мне передать?

Нисколько не смутившись, Волков нагло окинул старика взглядом, посмотрел то на застывшего в полупоклоне охранника, то на наблюдающую за ним девушку, раздосадовано покачал головой. Его внимание вновь вернулось к терпеливо ожидающему ответа старику.

– Ты что за гриб? – спросил Егор.

Девушка ахнула, охранник шумно втянул ноздрями воздух, выпячивая грудь. Лишь старик выдержал паузу, с полуулыбкой произнес:

– Позвольте себе воздержаться...

– Послушай, – перебил его Волков, – Ты сейчас являешь собой пример того, что дураки тоже стареют. И благообразный облик не делает их мудрее. Ты прекрасно знаешь, кто я такой и к кому пришел. Так что хватит устраивать мне тут театральную постановку и позови Агнию.

Старик сделался пунцовым, даже поднялся на цыпочках, чтобы бросить нечто яростное в лицо мистирианину. Но девушка предостерегающе положила руку ему на плечо и седовласый сразу сник, потупился и отступил назад.

Стеклянная дверь распахнулась, в холл вошли еще двое. И вот тут Егор напрягся, оставил левую ногу чуть назад.

Это были религеры бланцев.

– Доброй жизни, Феникс, – статная, коротко стриженная женщина с ранними морщинами вокруг глаз холодно посмотрела в лицо Егора. – Расслабься, тебе здесь ничто не угрожает.

– Это ты своему пострелу скажи, – буркнул в ответ Волков. – Мне кажется, он не очень согласен с тобой, Агния.

Женщина бросила через плечо сердитый взгляд на своего спутника.

Молодой религер, белокурый, похожий на ангела юнец, пылал праведным гневом. Глаза лихорадочно блестели, прожигая Волкова насквозь, ноздри раздувались. В опущенной руке подрагивал длинный нож.

Он стоял напротив Егора как разъяренная болонка против бойцовского пса. И по глупости мог лишиться головы.

– Ты убил моего брата! – выпалил он. – Ты убил Равиля!

– В Поединке, – услужливо вставил Волков.

– Ах ты...!

– Илияс! – в голосе Агнии укрепились стальные ноты, – Убери оружие! Немедленно!

Паренек дернулся, разрываясь между желанием и приказом, но когда женщина еще чуть повернулась к нему, уже прятал нож в рукав, опуская голову.

– Извините меня, мать Агния, я был не сдержан, – чуть слышно проговорил он.

– Ступай, позже поговорим, – старший религер бланцев жестом отправил воспитанника с глаз. Паренек поспешил скрыться за дверью. Вместе с ним удалились и старик с девушкой.

– Горячий мальчик, – Волков позволил себе расслабиться.

– Это пройдет, – все так же холодно откликнулась Агния, – Надеюсь, он когда-нибудь убьет тебя.

– Не исключено, – не стал спорить Волков, – Я, собственно... вот.

Он извлек запечатанный конверт, протянул женщине. Агния миг изучала письмо, потом протянула руку. Длинные, изящные пальцы с ухоженными ногтями накрыли конверт, сухо зашуршали по бумаге, оглаживая плоский бок. Волков уловил осторожно использование Дара. С интересом уставился на Агнию.

Наконец, женщина удовлетворенно подняла подбородок, вытащила конверт из пальцев Егора.

– Спасибо. Это все? – спросила она.

– Ответ будет? – на всякий случай поинтересовался Волков. На самом деле ему было плевать.

– Это письмо Старшим, а не мне, – покачала головой женщина. – Если нужно будет, они ответят сами.

Волков лишь развел плечами.

– Просто спросил. Не часто меня используют в качестве почтальона, вот и не знаю как себя вести.

Агния не удостоила его ответом, терпеливо ждала, когда Егор уйдет. Но у Волков вдруг родилась мысль, поэтому на пороге он затормозил.

– Уж коль так сложилось, что я все равно зашел, – обернулся он к женщине, выглядывая из-за стоявшего между ними охранника. – Ничего не слышала про Калину? Что-то движение в Городе какое-то нездоровее назревает.

Женщина удостоила Волкова презрительным взглядом. Но губы ее разошлись, холодный голос произнес:

– Феникс, ты за прошлый месяц прервал жизни двух моих религеров. Ты правда думаешь, что я буду откровенничать с тобой?

– Ну, работа у нас такая, – пожал плечами Волков. – Чего дуться-то?

– Это служение, а не работа, – отрезала Агния. – Наши жизни не разменные монеты.

– Это ты вон им скажи, – Волков махнул рукой в сторону стены, за которым находился веселящийся Храм. – Многие из них даже не знают о твоём существовании. Для них мы как клубы по интересам. Надоело у одних – перешли к другим. Сегодня вязание, завтра макраме.

Волков сделал жест руками, будто плетет веревки. Агния молча слушала.

– Или для тебя секрет, что мы трудимся на благо Старших, а не на благо верующих? – не унимался Егор. – Мы уже давно знакомы, Агния. Много повидали. И ты знаешь, что я прав. Так что твой пафос абсолютно неуместен. В нашей работе служением и не пахнет. Как и верой. Потому не нужно строить из себя обиженную курсистку. Я просто предложил обменяться информацией.

Агния внимательно разглядывала Волкова. Между ними по-прежнему стоял охранник, чувствующий себя не в своей тарелке.

Волков пытался заметить в глазах собеседницы отголоски того посыла, который он вложил в свои слова. Глупо, конечно, было надеяться, что таким дешевым трюком удалось пронять или смутить столь опытного религера как Агнию, но кто знает? Вдруг и в ее душе есть семена сомнений, тогда монолог может дать нужные всходы.

Еще до того, как женщина ответила, Егор понял, что не вышло.

– Ты жалок, Волков, – в голосе Агнии слышались ноты гадливости. – Твои слова полны яда и лжи. Слава богам, я вижу тебя насквозь. Или ты думал, что я соглашусь с тобой и стану смотреть на мир проще? Выложу тебе все, что знаю? Нет, Волков. Ты враг мне и моей вере. И тем людям за стеной. Ты и твоя лживая религия. Мы сметем вас. А теперь уходи. Мне противно говорить с тобой.

– Ну, попробовать стоило, – Егор поправил повязку, толкнул дверь и вышел наружу.

Когда за спиной щелкнул засов, Волков достал сигареты, зажигалку и закурил. Закашлялся, подавившись дымом, стукнул себя кулаком в грудь. Запоздало вспомнил, что когда-то бросал и не курил почти семь лет. Но после того, как...

После того, как все произошло, на здоровье стало плевать.

Без вкуса затянувшись, Егор сквозь дым посмотрел на стоянку. Машина была на месте, никто подозрительный рядом не крутился. Уже хорошо.

Ветер вновь принес звуки музыки и песнопений. Над головой с шумом взлетающей птицы захлопал развивающийся оранжевый стяг.

Егор кинул взгляд на часы. Пора ехать в резиденцию. Возможно, удастся поймать Артема Колерова. Быть может, через него получится узнать, кто забирал из интерната девочку и пытался сделать из нее ритуальную жертву.

Машина приветливо откликнулась на сигнал с брелка, пискнула, снимаясь с сигнализации. Через минуту Волков уже выруливал со стоянки на оживленную улицу, крутя головой по сторонам.

Автомобильные потоки в обеденное время превращались в вялотекущее болото, на светофорах то и дело образовывались пробки. Капризные гудки клаксонов, вонь выхлопных газов и горелого масла, стремительные рывки в образовавшиеся «окна» и терпеливое ожидание в очереди на поворот.

После получаса такой езды Егор больше всего хотел занять на джип щит-отбойник и мегафон. Чтобы орать и давить, орать и давить.

Преодолев половину пути, он изо всех сил боролся с желанием бросить машину, позвонить Иванову, сказать где именно оставлена собственность ячейки, и уйти пешком. Но все же вырулил на относительно пустую улицу, рванул вперед.

Отголосок используемого Дара был бледен, но свеж. Молодая Искра наверняка не заметила бы легкого покалывания в груди, но Волков был слишком хорошо натаскан на подобные вещи.

Машина вильнула, когда Егор прижался к обочине, изо всех сил пытаясь вычислить, в чем же дело. Овернул, крутя головой.

На противоположной стороне улицы мужчина, в красно-желтой ветровке, сидел в такси. Волков успел разглядеть лишь верх плеча, спину и капюшон, покрывающий голову. Он сел на заднее сиденье и такси тронулось, увозя пассажира прочь.

Огромная тень надвигающегося грузовика перекрыла обзор. Громадный рефрижератор подпер сзади машину Егора, протяжно загудел, требуя проезда. Джип Егора оказался слишком широким, чтобы они могли разъехаться.

Волков озадаченно хмыкнул. С сожалением завел двигатель, вырулил от тротуара и продолжил движение.

Нечего было даже и думать о том, чтобы догнать такси. Но кто это мог быть?

Кто мог тратить свой Дар на то, чтобы вызывать такси? Если только тот, кто достает для детей сахарную вату из воздуха – сказочный персонаж, о котором упоминал Ильин.

Никто не знал, не мог предугадать, что станет Искрой. Из тысяч верующих лишь один приобретал Дар. Такие люди тут же попадали под присмотр Доминиона, под крыло Старших. Они развивали свой Дар, использовали его лишь во благо своей веры.

У каждой Искры мог быть лишь один Дар, не больше. Кто-то воспламенял взглядом, кто-то лишал легкие воздуха, кто-то разверзал землю. Кто-то мог читать запечатанные письма, кто-то лечил прикосновением, кто-то левитировал. Наставники в Школах с помощью Дара усиливали переданные молодым религерам знания о боевых искусствах, улучшали навыки и реакцию.

А Волкова из-за его Дара некоторые называли Фениксом.

Сражаться одним лишь Даром, не прибегая к банальному оружию, было чрезвычайно трудно, хотя и возможно. Каждое применение забирало силы и здоровье. Чем значимее, сильнее была способность, тем реже она давала использовать себя. Кто-то был способен вызывать чудо несколько раз за бой, к примеру, некрупные, медленно летящие огненные шары или ветвистые молнии, с каждым разом теряя силы и эффективность. Кто-то умел аккумулировать Дар, накручивать его, копить, чтобы потом разом обрушить всю мощь на врага – таких называли «радио». А кто-то мог лишь раз в сутки явить миру милость своего бога – таких именовали «солнечниками». Дар Егора был именно таким.

Применение Дара походило на стрельбу из древней пищали – шумно, дымно, но совсем без гарантии на точное попадание. Потому от незримых Хлыстов Гнева можно было увернуться, из Кокона Смерти успеть выпрыгнуть. И лишь очень опытные религеры, знающие все скрытые нюансы своих способностей, могли одним ударом уничтожить врага.

В любом случае, после каждого Поединка необходимо было восстанавливаться, как после хорошего марш-броска. Отдыхать, правильно питаться, отсыпаться. Молиться. В принципе, можно и пренебрегать восстановлением сил, но тогда рано или поздно наступал момент, когда Дар отказывался работать по требованию. Для религера подобный исход был сопоставим с потерей самого верного оружия.

Этим и пользовались сильные конфессии, когда натравливали десяток своих Искр на одного-двух религеров мелких верований. Последние не могли отказаться от Поединка, в итоге попросту растрачивали свои силы в драках со свежими противниками, сгорали и неминуемо погибали. Отказ же от Поединка приравнивался к проигрышу.

Как бы там ни было, Волков ни разу не слышал, чтобы Дар вот так запросто расходовали по мелочам. Тем более, он не слышал и о Даре, позволяющем останавливать такси или иной транспорт. К тому же, зачем это делать в такой час, когда стоит лишь поднять руку, как под нее

подъедет несколько желающих заработать на извозе? А это значит, что незнакомец настолько привык использовать свой Дар, что уже не считает возможным обходиться без него. И пока другие воют, грызут друг другу глотки, убивают и делят, он попросту ловит такси.

Сказки! Совпадение!

Волков скорее усомнился в своем профессионализме, чем в возможность подобного. Где-то применили Дар, а он не смог определить кто и какую именно способность. А парень в капюшоне... Да просто попался в поле зрения.

Отдыхать надо, дядя. Спать больше и нервы беречь.

Егор тряхнул головой, протяжно выдохнул.

Надо будет рассказать Роману, пусть поржет – он давно говорил, что у Волкова от работы когда-нибудь «крыша потечет».

Религер прибавил газу, зло обходя ползущий поток.

Глава 9

«– С тех пор, как государство приняло решение о, так называемой, «теокорректности», то есть о терпимости общества к любой гуманистической религии, резко снизилось количество межнациональных конфликтов. Это ли не результат?»

– Подождите, скоро начнутся Крестовые Походы»

Аналитическая передача «Ночной взгляд», 2002 год

Звонок Влада Гаврилова застал Волкова на въезде в пригород. Скосив глаз, Егор ткнул пальцем в кнопку громкой связи.

– На связи.

– Будь зрячим, Егор, – раздался из динамика голос Гаврилова. – Ты сейчас где?

– Будь зрячим. В десяти минутах езды от резиденции. А в чем дело?

– Нужно твое присутствие. Иванов сообщил, что у амонариев сегодня открытие нового храма. Помнишь, как они нам подгадили в прошлый раз?

– Помню, – сухо ответил Егор.

– Спешно всех собираем на ответную акцию. Колеров массовку уже обеспечил, нужна накачка. Заберешь нас с Таисией у «Пингвинов»?

Волков поморщился как от зубной боли. Гаврилов будто почувствовал его раздражение.

– Егор, твое присутствие нужно и необходимо. Тем более, это распоряжение Иванова.

– Таисию зачем тащите?

– Ей этот опыт будет ценен.

– Не люблю я эти акции, – пробурчал Волков под нос. Гаврилов молчал, ожидая ответ. – Вы уже у «Пингвинов»?

– Да, подходим.

– Ждите, через минуту буду.

Волков отключил телефон, раздосадовано развернул машину. Закурил, меняя маршрут.

Джип перелетел через «лежащего полицейского», въехал во дворы, распуская редких прохожих. Мимо домов, мимо запущенных детских площадок, мимо приземистых торговых палаток. Мягко перебрался через бордюр, по некошеной траве пересек закуток за высоткой. Поворот руля – и машина съезжает через тротуар на проезжую часть.

Минуя окольными путями автомобильные пробки, Егор притормозил возле черно-белого павильона кафе «Пингвины». У входной двери в виде раскрытого клюва топтался Влад Гаврилов в неприметной синей куртке. Рядом с ним, чувствуя себя неуютно, нервно теребила в тонких пальцах ремень сумочки Таисия.

Волков остановил джип перед ними, кивнул.

В салон ворвался холодный осенний воздух, а вместе с Гавриловым еще и запах дешевых сигарет. Здоровяк уселся рядом с Егором, Таисия опустилась на заднее сиденье, сложив руки на коленях.

– Пристегнитесь, – буркнул Волков трогаясь.

Гаврилов засопел, ворочаясь в поисках ремня безопасности. Когда щелкнул карабином, выдохнул, вытер наморщенный лоб.

– Почему так неожиданно? – обратился к нему Егор. – Амонарии храм давно уже достроили, можно было предугадать момент. Кто у нас ими занимался?

– Сухнов, – ответил Влад. – Его информаторы с нами не работают.

Волков промолчал. Остановился на светофоре.

– Иванов просил, чтобы ты ввел Таисию в курс дела, – сказал Гаврилов.

– Что-то меня вдруг стало слишком много повсюду, – недовольно ответил Егор. – Ты сам-то чего ж?

– Ты у нас специалист, – пожал плечами Влад. – Ты лучше все объяснишь.

– Братя, – вмешалась в диалог девушка. Голос ее чуть подрагивал и напряженно звенел. – Я не хочу быть обузой, но не стоит говорить обо мне в третьем лице. Не нужно за меня переживать, я сама все увижу и пойму.

Гаврилов осуждающе посмотрел на Волкова. Егор покачал головой, но заговорил:

– Ладно, Тая, проехали. Слушай сюда, – он машинально поправил повязку на глазу, ослабил галстук. – Как тебе известно, почти двадцать лет назад в нашей стране дали свет абсолютно всем религиям, тем предоставив людям право и свободу самоопределиваться духовно. Тогда-то у всех конфессий появилась возможность строить свои храмы и монастыри, открывать свои телеканалы и всевозможные вспомогательные организации. Но поговорим сейчас о храмах. Как ты, безусловно, знаешь, храмы во многих религиях являются символом бога, его домом, святилищем с духовной энергией. Есть конфессии, которые обходятся без церквей и капищ, но им довольно сложно привлечь к себе простых обывателей, которые очень любят символы и внешнюю роскошь.

В зеркало заднего вида Егор заметил, как лицо Таисии дернулось от еле заметного омерзения. Он понял, в чем дело.

– Тая, ты слушай и запоминай. Тебе неприятно, что я говорю о храмах и о прихожанах как о неких безликих ресурсах? Но ты – религер, ты должна верно ставить акценты. Мы отличаемся от наших верующих. Они – простые люди, они приходят к нам за радостью божественной благодати и в поисках защиты для своей души. Они желают постичь Истину, стать зрячими в царстве лжи. Но они даже не знают, что за это их право мы, религеры, ежедневно ведет незримую войну. И здесь цель всегда оправдывает средства. Поэтому хочешь ты того или нет, но ты должна смотреть отстраненно на ход боев и знать настоящее положение вещей в этом мире. Это понятно?

Он дождался пока Соловьева понимающе кивнула, хотя и спрятала глаза, продолжил:

– Итак, храм это не только дом бога, но и символ. Когда мы отбиваем у врагов новую территорию, мы ставим на ней свой храм или хотя бы часовню. Чтобы новым прихожанам было где молиться, на что обращать полный надежды взгляд. То же самое делают и наши соперники – они показывают свое присутствие новыми религиозными строениями. Влад, ты рассказывал ей про выходку амонариив?

Гаврилов неопределенно покачал рукой, мол, так, по верхам. Волков опять обратился к внимательно слушающей девушке:

– Если храм – символ, то задача сделать так, чтобы он воздействовал на умы и души верующих так, как нужно. Если это свой храм – то звал, поражая безупречностью и красотой. Если это здание врага – то чтобы о нем шла дурная слава, чтобы сам его вид вызывал отрицательные эмоции. Для всего этого проводятся так называемые «акции». В последнее время мы не часто прибегаем к подобному рода действиям, потому как в Городе сложился некий паритет, который никто не хочет нарушать. Но вот в прошлом году амонарии устроили на открытии нашего нового храма безобразную драку, спровоцировали давку среди прихожан. Были жертвы. Сегодня наша задача – отплатить им той же монетой. Вот, если кратко, вся задача, – Волков перевел дух, сглотнул. – Я жуть как не люблю подобные развлечения, но почему-то у меня они получаются лучше всех. Потому будь рядом, смотри, слушай, запоминай. Сама никуда не лезь – может быть опасно. Усекла?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.